

БОГДАН СУШИНСКИЙ

КАЗАЧЬЯ СЛАВА

Рыцари Дикого поля

Богдан Иванович Сушинский
Рыцари Дикого поля
Серия «Время героев»
Серия «Казачья слава», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6022895
Рыцари Дикого поля: роман: Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-4444-7986-5

Аннотация

Середина XVII века. Зная о критическом состоянии здоровья польского короля Владислава IV, королева Мария Гонзага всеми силами организует поиски возможного претендента на трон короля. Сейм обращает свой взор на трансильванского князя Любоша Ракоци. Более того, Трансильвания может стать надежным союзником Польши, заменив ослабленную в многолетней войне Францию.

В это же время генеральный писарь реестрового казачества полковник Богдан Хмельницкий ведет сложную и опасную дипломатическую игру. Движимый чувством мести за убитого поляками сына и уведенную в плен жену, а также желанием освободить Украину от любой формы зависимости и угнетения, он замышляет поднять всеукраинское антипольское восстание.

Сюжетно этот роман является продолжением романа «Саблями крещенные».

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	7
3	10
4	13
5	16
6	18
7	21
8	23
9	27
10	31
11	33
12	35
13	38
14	41
15	46
16	49
17	52
18	54
19	58
20	60
21	63
22	66
23	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Богдан Иванович Сушинский

Рыцари Дикого поля

Часть первая

Коронный карлик

1

...И на сей раз для своего постоя князь Гяур вновь, как и после штурма Дюнкерка, избрал дом графа де Ворнасьена. Окончательно сдавший, престарелый граф встретил полковника со скорбной радостью на глазах – если не как сына, то, по крайней мере, как долгожданного гостя, все оттягивавшего и оттягивавшего свой визит.

Впрочем, секрет его скорбности, как и радости, открылся довольно скоро. Оказалось, что два месяца назад, возвращаясь с семьей в свое родовое гнездо, молодой граф, вместе с женой и дочерью, подвергся нападению шайки дезертиров. И поскольку граф пытался сопротивляться, все трое погибли мученической смертью.

– Вы замечаете, как почернели от страданий стены этого дворца? – с тоской спросил старик, закончив свой небольшой рассказ. За огромным столом, помнившим куда более радостные пиршества, они сидели только вдвоем, и прислуживал им все тот же слуга Симон, имя которого – «Пьер, Шарль, Антуан или как вас там...» – во время своего первого пребывания князь так и не сумел запомнить. – Здесь все проникнуто смертным тленом, одиночеством и запустением.

– Очень часто дома наши постигают те же судьбы, что и нас самих, – вежливо согласился Гяур, не зная, как утешить исхудавшего, одинокого старика. – К этому следует относиться с тем же мужественным стоицизмом, с каким мы относимся ко всей остальной жизни.

Сказано это было неубедительно, однако чем еще он способен был помочь человеку, перед которым с радостью распростер объятия сам Господь?

– Однако вас все это касаться не должно, – вдруг запоздало спохватился граф. – Спокойно отдыхайте. Вам отведен весь второй этаж. Кроме того, своих гостей, особенно когда речь идет о дамах, – предусмотрительно оглянулся старик на дверь, ведущую в спальню давно умершей жены, вы можете принимать во флигеле. И вообще, чувствуйте себя так, словно... словно вы... – договорить он не смог, спазмы сдавили ему горло, на глаза навернулись слезы.

– Вы крайне неосторожны и безжалостны, князь, если доводите хозяина этой щедрой обители до такого состояния, – проворчал слуга Симон, помогая извиняющемуся графу подняться и уйти в свои апартаменты.

– В той же степени, в какой вы несправедливы ко мне, – миролюбиво заметил Гяур. Ему отчаянно не хотелось ссориться с Симоном, с кем угодно, только не с ним. По крайней мере, до тех пор, пока он не определился с отъездом.

Учитывая болезнь графа, этот слуга и камердинер в одном лице, по существу, будет хозяином дворца, и с этим постояльцу приходилось считаться.

Голод, накопившийся в его могучем организме за все время плена, давал знать о себе настолько, что, оставшись в одиночестве, Гяур не решился подняться из-за стола, а еще несколько минут жадно поедая жареную телятину и пончики с мясной начинкой, запивая все это густым, словно бы настоящим на мясном бульоне, красным вином.

Насытившись, он поднялся на отведенный ему второй этаж и какое-то время стоял у окна, осматривая открывавшийся вид по ту сторону полуразрушенной городской стены, – долину, излучину реки, небольшие, словно вытканые на зеленом ковре, едва различимые рощицы; а еще – охваченные светлым библейским нимбом крыши каких-то строений.

Где-то там, у реки, произошла их «французская» встреча с Властой. Он вспоминал теперь о ней как о тайном эротическом сне детства. Хорошо ли ему было тогда с «каменецкой пророчицей»? Ответить на этот вопрос Гяур затруднялся. Если бы в мире не существовало Дианы де Ляфер, он наверняка был бы настолько влюблен в эту девушку, что любовь эта давно стала бы роковой.

В любом случае, Власта заслуживала того, чтобы ею можно было восхищаться. Но что он мог поделать с собой, со своими чувствами? Он не святой. Ему приходилось бывать с женщинами. Но каждый раз их обаяния хватало только для того, чтобы мог сравнить свою очередную пассию с графиней Дианой.

В плену у него было время осмыслить и свою жизнь, и свои чувства. Теперь князю стыдно было признаваться себе в этом, но в минуты мужественного отчаяния, которые переживал в ожидании казни, он давал себе слово: «Если удастся спастись, оставлю службу, отрекусь от всех притязаний на княжеский престол Острова Русов и остаток лет своих посвящу... поместью, приобретенному для меня графиней Дианой де Ляфер неподалеку от Шварценгрюндена». А еще – Парижу и любовным утехам, для которых, как ему тогда казалось, вполне достаточно этой, одной-единственной женщины – прекрасной и непостижимой.

«Так чего же ты теперь маешься? – саркастически поинтересовался у самого себя Гяур. – Оставляй службу и превращайся в страдальца парижских салонов. Из плена, в который ты время от времени будешь попадать в этих салонах, совершать побеги тебе, естественно, будет труднее, нежели из испанского заточения, но зато с меньшим риском для жизни. Впрочем, кто знает, всегда ли с меньшим.»

Одар вновь попытался вспомнить Власту, но вместо ее лица явились пшенично-золотистые кудри Дианы. И ничего он не мог поделать с собой, ничего! Юная графиня Ольбрыхская уже несколько раз повторяла, что она – его судьба; что семейное объединение их – предсказано свыше, самой Ольгицей. А предсказано, потому что... предначертано судьбой. Очевидно, каждый раз девушке казалось, что эта предначертанность заставит князя относиться к ней более серьезно, чем он относится сейчас. Но всякий раз она ошибалась.

В то же время сама Власта любила его с какой-то монашеской покорностью, понять которую мог разве что человек, привыкший к молитвам и обреченности на волю Всевышнего. Но Гяур желал познавать собственную волю. И стремился к тому, что предначертано его волей, а еще – волей случая. Одного из тех случаев, из которых обычно соткана всякая человеческая судьба.

Как всегда, неслышно и почти незримо появился Симон.

Несколько мгновений он молча постоял у Гяура за спиной, а когда тот соизволил оглянуться, предложил:

– Думаю, нам следует осмотреть флигель, князь. Четыре комнаты, чудные гобелены, изысканные статуэтки, ванная...

– И что еще? – подловил его на паузе Гяур.

– Такой маленький дворец, в котором в юности развлекался сын графа Антуан Ворнасьен, и который успел познать то, чего многие из нас, людей прежних поколений, не сумели познать, даже обзаведясь седыми висками.

– Кто успел познать: маленький дворец или наш юный Антуан?

На сей раз слуга выдержал паузу, достойную самого задумчивого из сенаторов, и глубокомысленно произнес:

– Судя по всему, оба, князь. Уверен, вам захочется получить разъяснения по поводу того и другого.

– Как же вы неподражаемо предусмотрительны, Симон!

– Существует не только талант воина, но и талант слуги, – не воспринял тот иронии молодого аристократа. – Причем не только талант, но и высокое, множеством поколений оттачиваемое искусство.

В облике этого невысокого худощавого шестидесятилетнего француза действительно было что-то такое, что заставляло сразу же угадывать в нем слугу, но при этом не позволяло относиться к нему без должного уважения.

– Наблюдая за вами, я все больше убеждаюсь в этом, – честно признал Гяур. – А к словам вашим добавил бы: «Не только искусство служения, но и его изысканный аристократизм».

2

Флигель был похож на старинный рыцарский замок в миниатюре. Все в нем было скромно и сурово, что позволяло судить о рыцарских традициях былых владельцев и происхождении нынешнего хозяина. Одна, наиболее мощная стена его, с двумя башнями, даже была встроена в крепостную ограду, защищавшую дворец графа де Ворнасьена, что придавало этому жилью особую романтическую окраску. И не беда, что она так и не способна была обнаружить у себя какого-либо следа штурмов или осад, поскольку оказывалась в руках врага вместе со всем Дюнкерком...

– Этот флигель больше устроит меня, чем второй этаж дворца, – сразу же признался Гяур, осматривая старинные гобелены и наборы оружия на стенах. – Все в отличном состоянии, притом что не ощущается никакой тени, никаких отголосков этой несуразной войны.

Одар уже знал, что испанцы не грабили дворец Ворнасьена, поскольку у графа имелась невеста когда и каким образом полученная им старинная охранная грамота, заверенная еще печатью короля Испании Филиппа IV Красивого, в которой говорилось об испанской крови рода Ворнасьенов и заслугах перед Испанией, а также о личном королевском попечительстве над ним. Как ни странно, в Испании все еще считались с мнением королей, нынешних и бывших, и чттили их печати, чего нельзя было сказать об отношении французских дворян к словам и печатям их национальных «величеств».

– Кстати, графине де Ляфер этот «Замок Гномика», как называл его молодой граф Антуан, – да простит ему Господь даже то, в чем он не успел согрешить, – тоже понравился.

– И графине де Ляфер – тоже? – улыбнулся Гяур, как улыбаются самым сладостным воспоминаниям. – Прелестная графиня Диана!.. Как же немыслимо давно все это происходило!..

– Не знаю, что вы имеете в виду, но то, что имею в виду я, произошло не далее, как вчера.

– О чем вы, Пьер, Шарль или как вас там?

– Симон, – вежливо напомнил слуга. В конце концов, он давно смирился с тем, что господа не обязаны помнить его имени. – ...О том, что графиня осматривала этот «Замок Гномика» не далее, как вчера.

– Я давно подозревал, что вы – закоренелый безбожник, Симон, и, тем не менее, побойтесь бога.

– Мне почему-то казалось, что, услышав о появлении в нашем городе графини де Ляфер, вы безбожно возрадуетесь, как обычно радуются всякому плотскому греху.

Князь вновь хотел благодушно ухмыльнуться, но с трудом дошедший до него смысл сказанного слугой заставил погасить ухмылку в самом ее зародыше.

– Так она что... действительно здесь, в городе?!

– Причем объяснила свое появление тем, что ее пригнала сюда грусть. Она-то ведь считала вас погибшим. До нее дошел слух, что, захватив корабль, на котором вас содержали как пленника, командор дон Морано казнил всех, кто попался ему в руки.

– Да к черту все эти подробности, Симон! Графиня не может считать меня погибшим. Ей просто в голову такое не придет. Где она сейчас?

– Остановилась у доктора де Жерона. У того самого, у которого в свое время останавливался ваш казачий генерал де Сирко.

– Как, он уже произведен в генералы?!

– Во всяком случае, так его называют наши военные. Как, впрочем, и вас.

– Да к черту ваших военных и наших генералов, высокочтимый вы наш Симон! Графиня что, действительно остановилась у доктора де Жерона?

– Нужны мои клятвы на Библии?

– Да к черту ваши клятвы, Пьер, Шарль или как вас там! Графиня прибыла в город одна или с кем-то, кто решается считать ее своей супругой?

– В зависимости от того, кого теперь в действительности следует считать ее супругом, – с мстительной вежливостью склонил голову Симон. – Поскольку она путешествует с еще довольно молодым польским принцем Яном-Казимиром ¹, братом польского короля Владислава IV.

– А вот о том, чьим братом является этот несостоявшийся принц, мне известно не хуже, чем вам, Пьер, Шарль, Симон или как вас там... – резко отреагировал князь. – Разве что вы хотите расщедриться еще на какие-то подробности?

Слуга отошел к двери, повернулся лицом к Гяуру и выдержал небольшую паузу, дабы дать ему возможность поостыть.

– Хотя я и дворянин, поскольку ношу титул шевалье, однако никогда не раскрывал этой тайны заезжим дворянам, чтобы не давать повода для дуэлей. Кстати, вам я тоже не доставлю такого удовольствия, князь.

Произнеся это, Симон чопорно поклонился и вышел.

– Но если вам все же нужны хоть какие-то подробности, граф, – проговорил он, попридержав дверь, – могу уведомить, что дом доктора де Жерона находится в трех кварталах отсюда, неподалеку от монастыря иезуитов.

– Наконец-то вы снизошли хоть до какого-то более или менее полезного известия, Симон.

– Прикажете седлать?

– Седлать, конечно же, седлать! Вы говорили о принце Яне-Казимире. Я должен понимать это так, что графиня остановилась в доме де Жерона вместе с ним?

– Помиловав слугу графа де Ворнасьена, вы собираетесь вызвать на дуэль наследника польского престола? – почти открыто рассмеялся Симон, лукаво разжевывая свою улыбку беззубым, с запавшими бескровными губами, ртом.

– А что, это кажется вам совершенно невероятным? Невозможным? У меня задрожат колени, как только увижу оголенную шпагу его королевского высочества?

– Бог с вами, господин князь. Во-первых, вы тоже в своем роде принц, претендующий на трон своих предков. Во всяком случае, так следует из всего того, что мне пришлось слышать о вас. А во-вторых, я думаю совсем о другом.

– О чем же, например? – поинтересовался Гяур, приближаясь к двери.

– О том, что наследники престола существуют не для того, чтобы упражняться на них в умении фехтовать, а чтобы, знакомясь с ними, делать придворную или государственную карьеру. Насколько мне известно, все благоразумные люди до сих пор поступали именно так. И, судя по всему, графиня де Ляфер – не исключение. Возможно, вам и не понравится то, что вы только что услышали, но все же подумайте над моими словами, в них – частица житейской мудрости.

– Хватит поучать меня! – почти взревел князь. – Вы, шевалье!.. Впрочем, простите. Потрудитесь ответить еще на один мой вопрос, – произнес он уже более сдержанно. – Его королевское высочество принц Ян-Казимир находится сейчас в доме де Жерона?

– Вы правы, – опустил голову Симон. – Очевидно, он все еще там. Графиня Диана – не из тех женщин, от общества которых хочется как можно скорее избавиться.

¹ В то время, когда происходят описываемые события, будущему польскому королю Яну-Казимиру Вазе исполнилось 38 лет. Через год, на элекционном сейме, он будет избран королем Речи Посполитой, на троне которой пробудет около двадцати лет. Историков, заботящихся о точности биографических данных и фактов из жизни этого монарха, автор просит не нервничать.

Гяур замер, не зная, как вести себя дальше. Слуга взглянул на него с явным сочувствием, немного помолчал и, поднеся правую руку на уровень княжеского чела, словно кюре, собравшийся благословить молодого воина перед походом, спасительным тоном добавил:

– Только сейчас им занимается не графиня Диана, а чертовски смазливая фламандка по имени Камелия.

– Значит, все-таки не графиня де Ляфер, а некая фламандка Камелия? Это что, правда?! – со слабой надеждой в голосе допрашивал его Гяур.

Слуга горделиво вскинул голову, давая князю понять, что и его, бедного шевалье, слово иногда чего-нибудь да значит, а затем высокомерно кивнул.

– Постойте, не та ли это Камелия, – уже с более уверенной надеждой улыбнулся Гяур, – ...которая в свое время долго морочила голову генералу Сирко?

– Но генералу не стоит огорчаться. Это не женщина, а грубая, безжалостная искусительница в облике очаровательной сатаны. При случае, можете так и передать ему.

– С вашего позволения, – столь же великодушно процедил князь.

– А сейчас извините, прикажу седлать.

Гяур проследил, как Симон медленно, с достоинством, спускается по узкой мраморной лестнице, и напомнил себе, что «шевалье» тоже дворянский титул, хотя и самый низкий во французской аристократической иерархии. К чести Симона, он действительно позволяет себе время от времени заявлять о своем происхождении. Причем делает это с надлежащим достоинством.

– Эй, постойте, Симон... Что-то не все в ваших словах сходится. Если принцем занимается некая фламандка, тогда почему вы сказали, что Диана де Ляфер остановилась в доме доктора вместе с Яном-Казимиром?! – вдруг спохватился полковник, вновь задержав слугу, теперь уже у входной двери.

– Вовсе не для того, чтобы сразиться на дуэли с Камелией. А потому, что, в отличие от вас, вы уж извините, полковник, она видит на его королевском высочестве не шпагу и даже не то, из-за чего вы ревнуете к нему графиню, а именно его... королевскую корону. Пусть пока еще будущую, но уже вполне осязаемую. Так что, тысяча извинений, князь, тысяча извинений. Впрочем, позвольте не извиняться, поскольку для откровенности извинения оскорбительны.

3

Ни с графиней де Ляфер, ни с принцем Яном-Казимиром встретиться в тот день Гяуру так и не пришлось. Под вечер неподалеку от Дюнкерка был обнаружен полк испанцев, усиленный несколькими ротами норманнских наемников, и князю срочно пришлось выступить против них, приняв на себя командование отрядом ротмистра Хозара.

Почти двое суток французские пехотинцы и казачья конница провели в стычках с противником. Силы были приблизительно равными. К тому же оба отряда расположились на небольших холмах, в укрепленных лагерях, штурмовать которые ни те ни другие до поры до времени не решались.

Выход из ситуации нашел Гяур. Он сформировал роту добровольцев, благодаря которой, на третью ночь сумел снять часовых и ворваться в лагерь противника. Пользуясь темнотой, внезапностью и паникой, казаки нанесли испанцам такой урон, что когда вылазка была закончена, поверженные идалго, прикрывшись тремя ротами наемной пехоты карабинеров, поспешно отошли к деревушке Корнхерс, которую давно превратили в настоящую крепость.

Но если отход испанцев можно было расценивать как вынужденное перебазирование в заранее подготовленный лагерь, то решение генерал де Мовеля, лично командовавшего небольшим французским экспедиционным корпусом, никакому логическому рассуждению не подлежало.

Как только испанцы ушли, он тоже демонстративно, под барабанную дробь и с гордо развернутым знаменем, вывел своих солдат из лагеря. Однако повел их не вслед за отступившими подразделениями противника, а... в тыл. Что тут же с удивлением было засвидетельствовано конной испанской разведкой. Все прояснилось для испанского командования только после того, как во французском трактире, под видом монаха-иезуита, побывал испанский лазутчик. Он-то и сумел внести ясность в странное поведение генерала.

Оказывается, по слухам, в лагере противника возник острый конфликт между его комендантом генералом де Мовелем и казачьим полковником, князем Гяуром. Генерал, видите ли, отказывался полностью доверять чужеземному полковнику, да к тому же только что побывавшему в испанском плену. Узнав об этом, оскорбленный полковник отказался подчиняться ему и даже направил своего гонца к главнокомандующему французскими войсками принцу де Конде с требованием вернуть французам лагерь, который самостоятельно защищать он был не в силах, под командование любого другого генерала.

Вот почему совершеннейшей неожиданностью для идалго оказалось то, что в следующую ночь отряд Гяура в триста конников, казаков и французам, вновь подкрался к их лагерю и, спешившись, совершил вылазку в деревню, где они – непонятно на каком основании – бурно отмечали очередную победу над «лягушатниками».

Когда утром воины Гяура вернулись под Дюнкерк, в новый лагерь генерала де Мовеля, со взятыми в плен полковником и еще двумя полупьяными испанскими офицерами, и стало известно, что они потеряли всего шестерых своих солдат, истребив во время рейда по меньшей мере сотню драгун противника, генерал был потрясен:

– Я-то опасался, что легенда о храбром польском полковнике всего лишь легенда.

– Позволю себе напомнить: украинском полковнике, – как можно вежливее произнес Гяур.

– Именно это я имел в виду, – охотно согласился генерал де Мовель.

– И не ошиблись: действительно легенда. Совершенная нами вылазка всего лишь случайная военная удача.

– Пардон, господин князь, я о вас иного мнения, а потому признателен богу войны, что свел нас во время этой экспедиции. Ваше личное участие в двух больших вылазках в лагерь

врага, отчаянность, с которой вы бросались в атаку во время небольших стычек передовых дозорных отрядов... А вся эта история с командором Морано и захватом корабля... Нет, полковник, это уже не случайность.

– Просто мне уже надоела эта бесконечная война ², – сдержанно рассмеялся Гяур. – Хочется как можно скорее завершить ее.

– Как и каждому уважающему себя французу.

– К тому же испанцы основательно разозлили меня. А когда я вступаю в ярость, врагам лучше держаться от меня и моих воинов подальше.

– В этом я ни минуты не сомневался, князь, ибо та ярость, с которой вы обрушились вчера на зарвавшихся идальго...

Они сидели в большой пурпурной палатке генерала, установленной на возвышенности, в полумиле ³ от города. Она красовалась на небольшом конусообразном холме, дополняя и венчая его, и пышностью своей могла сравниться разве что с шатрами восточных полководцев. С военной точки зрения организация здесь лагеря отряда не имела никакого смысла. Но генерал желал показать Дюнкерку, кто является его настоящим защитником и кому дюнкеркцы обязаны своим спасением.

– Вы – талантливый полководец, – с грустью констатировал де Мовель. Лицо еще относительно молодого генерала было изъедено ранними морщинами и небольшими шрамами. В то же время седоватые волосы поредели настолько, что остатки их казались совершенно неуместными.

– Обычно генералы очень ревниво относятся к появлению людей, которых они считают талантливыми полководцами. А потому подобные признания звучат крайне редко, дьявол меня рассмеши, как любил говаривать один мой знакомый, испанский лейтенант.

– Крайне редко, вы правы.

Вино, которым угощал его генерал де Мовель, было сладким и тягучим, словно медовая настойка. И неожиданно хмельным. Опустошив третий бокал, полковник с тоской вспомнил недавнюю вылазку, выстрел, которым испанский полковник прожег его мундир (пуля прошла под мышкой), и с тоской подумал, что, если бы рука кабальеро не дрогнула, испить этот божественный напиток уже не пришлось бы. Нет, он вовсе не считал себя храбрецом. Другое дело, что время от времени его вдруг захлестывала волна воинского безумия – что верно, то верно. Причем впадал Гяур в подобное безумие с каким-то особым азартом.

– Это последняя моя война, полковник, – белесые с красными прожилками глаза генерала тоже наполнились грустью. – И, возможно, последняя крупная военная прогулка. Через месяц я ухожу в отставку. Раны, болезни...

– В отставку?! Вы?! Вот в это действительно трудно поверить, господин генерал.

– Тем не менее, о намерениях моих принц де Конде и кардинал Мазарини уже уведомлены. Правда, реакция их была точно такой же, только более бурной.

– Их можно понять.

– Вы тут вспомнили о полководческой зависти. Так вот, зависть эта у меня, конечно, есть, и порой даже проявляется. Однако не настолько велика, чтобы затмить воспоминания о моей собственной молодости, когда я подавал такие надежды, при которых легко возомнить себя приблизительно тем же, кем возомнил себя наш всеобщий любимец принц де Конде. – На лице его вырисовалась даже не ироничная, а скорее снисходительная улыбка. – И будь я в молодости не жалким обедневшим шевалье, а принцем крови...

– Не нужно об этом, генерал, – вежливо остановил его Гяур.

² Так называли Тридцатилетнюю войну сами ее участники.

³ Французская миля равна 4452 метрам.

– Почему же, князь, об этом тоже порой стоит вспоминать. Хотя бы в целях душевной закалки и самоочищения.

– Для всякого, кто способен уйти в отставку в блеске ваших наград и чинов, куда важнее осознавать не то, кем он когда-то, в самом начале своего восхождения, был, а кем стал и чего достиг. А видит бог, что теперь вы – граф и считаетесь одним из лучших генералов Франции; что десятки других генералов завидуют, увы, не принцу, «командующему с пеленок», а вам, добывавшему славу и награды клинком своей шпаги.

Де Мовель вежливо промолчал. Однако взгляд его потеплел. Он не ожидал, что молодой князь способен высказать о нем именно такое мнение. И не усомнился, что говорит это Гяур совершенно искренне. В его представлении полковник был человеком слишком прямым и гордым, чтобы снисходить до лести. Пусть даже в ответ на явную лесть.

– Одно могу сказать со всей возможной искренностью, князь, как на исповеди: при любых чинах и похвалах я всегда старался оставаться настоящим солдатом.

– Именно поэтому следующие бокалы мы опустошим за всех тех, кого с полным правом можно считать настоящими солдатами.

4

Еще раз отдав дань вину, они вышли из палатки и остановились на небольшом выступе, как бы уводящем холм в сторону реки; серо-голубой пунктир плеса которой указывал путь к заливу. А поскольку самого залива видеть они не могли, то вершины мачт, увенчанные реями, казались огромными, врытыми в землю крестами корабельного кладбища.

– Что вы намерены делать дальше, полковник?

– Служить Его Величеству, выполняя при этом приказы главнокомандующего, полковника Сирко и ваши, господин генерал. Я правильно ответил?

– Как новобранец, стоя в казарме перед сержантом. После завершения срока контракта вы намерены вернуться в Польшу?

– В Украину.

– Я постоянно забываю, что вы не из собственно Польши, – поморщился генерал. – Надеюсь, вы не ощущаете себя оскорбленным в своих национальных чувствах?

– Во всяком случае, никогда не позволю себе называть французский порт Кале английским.

Генерал воспринял его сравнение как шутку и рассмеялся.

– Я вот почему спрашиваю вас об этом. Насколько мне известно, в Польше против вас затевается интрига, связанная с гонениями на полковника Хмельницкого, если только я правильно произношу его фамилию?

– Почти без акцента. Но что у поляков имеется против генерального писаря реестровых казаков, то есть против начальника штаба казаков, пребывающих на службе у польского короля? – разъяснил он французскому генералу суть чина полковника.

– И против вас – тоже.

– Это уже понятно.

– Вы приезжали вместе с Хмельницким в Париж и вели некие секретные переговоры, вначале с кардиналом Мазарини, а затем и с принцем де Конде.

– И в этом ваши сведения, господин генерал, тоже абсолютно верны. Разве что стоит уточнить, что никакой особой секретности в этих переговорах не проявлялось, особенно по отношению к польской короне.

– Так вот, полковник Хмельницкий обвинен в предательстве интересов Польши, измене польскому трону, и вообще, объявлен государственным преступником. Если я правильно понял, теперь он спасается в тех диких степях, где обычно собираются ваши казаки, которыми вам, князю, по воле судьбы тоже приходится командовать.

– Странно. Этого я не знал. Позвольте, откуда у вас такие сведения о Хмельницком?

– Разве это имеет какое-то значение? – загадочно ухмыльнулся генерал де Мовель. – Важно, что мне сие известно. Поэтому впредь можем говорить без обиняков.

«Неужели он пользуется откровениями графини де Ляфер? – потянулся взглядом к корабельным мачтам. Проявлялось в них некое романтическое очарование. За время, которое пришлось провести в море, оказываясь то в роли пленника, то в роли пирата или еще черт знает кого, Гяур успел привыкнуть к морскому бытию, к вечно покачивающейся палубе и увешанным парусами мачтам. Стоит ли удивляться, что теперь он ощущал легкую тоску, немного напоминающую ностальгию списанного на берег моряка. – Но с чего это вдруг графиня Диана станет откровенничать с ним? Разве что в постели? К дьяволу! Ты же давал себе слово не ревновать ее, уже хотя бы ввиду совершеннейшей бессмысленности этого занятия».

– Не терзайтесь, полковник. Я ведь сказал, что источник в наших отношениях никакой роли не играет, – постарался прийти ему на помощь генерал. – И мой вам совет: не торопитесь возвращаться в пределы Польского королевства, где ни вашу храбрость, ни заслуги

перед Францией, родиной польской королевы Марии-Людовики, никто и в грош ставить не будет.

– Но никакой вины перед польской короной у меня нет, это очевидно. И я смогу доказать это.

– Кому вы собираетесь доказывать свою невиновность? Тяжело больному, теряющему власть и вообще, всякое влияние, королю Владиславу? Или, может быть, королеве, с мнением которой уже никто, кроме узкого круга воздыхателей и профранцузски настроенных аристократов, не считается. А доказывать что-либо палачу, в руки которого вас отдадут, – занятие не только неблагодарное, но для человека вашего ранга – постыдное.

– Понятно. Вы предлагаете продлить контракт с французским правительством, превратившись в вечного наемника.

– Поверьте, таких людей во Франции множество. Достаточно взглянуть на несметные ряды германских наемников, присутствующих во всех армиях мира.

– Это их профессия, их способ существования. Но я-то готовился к чему-то более значимому, нежели выживание в рядах иностранных наемников.

– Понимаю, князь, понимаю. Если вам претит служба в роли наемника, становитесь подданным Его Величества короля Людовика XIV и навсегда оставайтесь во французской армии. В конце концов, своих владений у вас нет, а в Польше вы такой же иностранец, как и во Франции. С той только разницей, что здесь вас никто не станет воспринимать как врага короны и заговорщика, стремящегося отторгнуть Украину от Франции.

– Вы поражаете меня своими познаниями ситуации в Польше, господин генерал. А ведь еще недавно вы, как и множество других французов, вряд ли догадывались о существовании земли, которая называется Украиной.

– Если не учитывать, что, в отличие от «множества других французов», мне довелось служить в Украине.

– Вы... служили в Украине?! – неуверенно как-то улыбнулся Гяур, словно опасался, что генерал решил подшутить над ним.

– Наемником, князь, обычным наемником.

– Где же это происходило? Нет-нет, я не пытаюсь устраивать вам проверку, просто из любопытства.

– Капитаном – в Каменце и Львове, майором – в Брацлаве и подполковником – в Баре. Ну и, само собой, побывал в Кодаке, Виннице и Черкассах.

Услышав перечень этих городов, Гяур красноречиво поднял руки вверх. Теперь ему было понятно, каким образом генерал сумел вызвать на откровение графиню де Ляфер – князь все-таки не сомневался, что без нее здесь не обошлось, – и что общего сумел найти де Мовель, встречаясь с полковником Сирко. Как не представлялось теперь уже странным и то, что вести переговоры с полковником из Польши поручили именно ему.

– Так что, вам не нравится мое предложение о принятии французского подданства и службе в армии Людовика? Оно вас не интригует?

– Интригует, но не само предложение. Важно знать: оно только ваше или же в моем пребывании здесь, особенно в принятии французского подданства, заинтересован еще кто-то из людей, приближенных к трону?

– Моей заинтересованности вам все-таки недостаточно? – лукаво прищурил глаза де Мовель.

– Уверен, что вы поняли истинный смысл моего вопроса, господин генерал.

Старый вояка прошелся по вершине возвышенности, приблизившись к той части ее, которая завершалась крутым обрывом, и осторожно, привставая на носках, как человек, никогда не мирившийся с высотой, заглянул вниз. Гяур проделал то же самое чуть раньше,

как только они вышли из шатра, и знал, что этот холм медленно подтачивал то ли один из рукавов реки, то ли его приток.

«Усеянная валунами, эта речушка вполне может служить местом казни пленных или же местом для их устрашения, – неожиданно пришло в голову князя, причем фраза эта появилась как бы отстраненно, словно бы только что была услышана от кого-то или кем-то навояна. – Ну, если даже такую речушку у подножия холма ты уже воспринимаешь как место казни своих пленников, – лезвием бритвы прошелся по собственному самолюбию князь, – значит, тебе и в самом деле следует как можно скорее выходить из этой войны и заняться...».

Только вот чем бы ему следовало заняться, отстранившись от ратных дел, князь определить так и не смог, попросту не успел.

– Мой гонец, полковник Кендеран, – вторгся в его сомнения генерал де Мовель, – находится сейчас в ставке принца де Конде. С письмом, в котором я прошу главнокомандующего ходатайствовать перед королевой о присвоении вам чина полевого маршала, то есть генерал-майора.

– Какое великодушие с вашей стороны, господин генерал! Никогда не поверю, что я чем-либо заслужил его.

– ...А также поручить вам, уже как генералу, – продолжил свою мысль де Мовель, – командование корпусом наемников, которые скопились в минувшие дни под стенами Дюнкерка. Напомню, что в него входят: полк норманнов, две роты итальянцев, рота саксонцев и полк хорватов. К слову, в этот же корпус мы включим отряд казаков под командованием известного вам ротмистра Хозара.

На сей раз Гяур удивленно помолчал. Ему понадобилось время, чтобы убедить самого себя, что генерал де Мовель не шутит – похоже, этому человеку вообще неизвестно такое понятие, как шутка.

– Неужели вы считаете, что принц де Конде поддержит ваше представление?

– Чтобы вы стали генералом, достаточно росчерка его пера. Анну Австрийскую и кардинала Мазарини он просто-напросто поставит в известность. Кроме того, я предельно красочно описал ваши подвиги, а, следовательно, и заслуги. Не говоря уже о том, что в ставке принца побывали графиня де Ляфер и принц Ян-Казимир, который, кстати, тоже не прочь, чтобы в его свите оказался князь де Одар-Гяур.

– Даже Ян-Казимир?!

– Ему ведь еще только предстоит идти к трону, а, следовательно, очень нужны свои, только ему преданные генералы. Кстати, можете не сомневаться, что именно этот человек сменит на троне Владислава. Причем не только потому, что приходится ему братом. Есть еще один брат-претендент по имени Кароль, более известный в Европе под именем Карл-Фердинанд, а также несколько других претендентов, не связанных родством с польским монархом, например, трансильванский князь Ракоци. Поскольку в Польше король – должность выборная, то в принципе на трон может претендовать любой высокородный дворянин.

– Вы правы: свою кандидатуру имеет право выдвинуть любой гербовый шляхтич ⁴.

– Оказывается, до сих пор я непростительно недооценивал вас, господин де Мовель, – честно признал Гяур.

– От многих других вы отличаетесь только тем, что нашли в себе мужество сознаться в подобных заблуждениях, – с плохо скрываемой горечью заметил де Мовель, имея в виду что-то свое, затаенное, этому чужеземцу совершенно неведомое.

⁴ Польское дворянство имело две градации: «гербовая шляхта», то есть шляхта, представители которой были обладателями родовых гербов, и «загоновая шляхта» – то есть дворяне, родовыми гербами не обладающие.

5

Поздно вечером карету Коронного Карлика остановили у подъезда его небольшого особняка, приютившегося между дворцом князя Зелинского и костелом, почти в центре Варшавы. Открыв дверцы, двое дюжих гусар извлекли его на свет божий и, с помощью еще двоих, зашвырнули в карету, на которой только что подъехали.

Тайный советник не сопротивлялся. И не стал задавать никаких лишних вопросов. Не успели они миновать костел, как ему все стало ясно. Гусары, с двух сторон зажавшие его на заднем сиденье, явно принадлежали к эскадрону литовских татар, к услугам которых в последнее время довольно часто прибегала королева, так и не осмелившаяся доверять полякам. И повезут его, очевидно, если не в одно из двух тайных гнезд Марии-Людовики Гонзаги, то в хорошо знакомый дворец графини д'Оранж.

На повороте он улучил момент и попытался взглянуть в заднее окошечко, чтобы убедиться, что его собственная карета движется вслед за ним. Но гусарский офицер локтем попридержал его скулу и то ли неосторожно ударил, то ли просто с силой отвернул назад.

– Считаешь, что кто-то бросится спасать тебя?

– Обычно я спасаю себя сам. А также спасаю многих других, кто этого заслужил.

– Он высматривает свою карету, – объяснил гусар, который сидел впереди.

– Тебя привезут назад и посадят в твой тарантас, – с явным литовским акцентом говорил тот, что все еще подпира локтем скулу Коронного Карлика.

– Почему бы не пригнать ее на место моей встречи с королевой? Так было бы менее хлопотно.

– Кто сказал, что тебя везут на встречу с королевой?

– Ну не с папой же римским?

– С кем бы ты, неверный, ни встречался... Если хоть одна душа в Варшаве узнает о твоей прогулке, в следующий раз пришлем за тобой катафалк.

– Зачем такие беспокойства? – проворчал Коронный Карлик, стиснув зубы от боли. – Вы только назовите срок, о катафалке я позабочусь сам.

– Он позаботится, всесильная воля аллаха! – лошадиный оскал офицера-татарина злое еще просматривался даже в сумраке кареты.

– Говорят, что карлик, в самом деле, на многое способен, и что многие боятся его, – проворчал тот, что сидел на переднем сиденье, спиной к тайному советнику. Это была дорожная карета, явно рассчитанная на перевозку случайных пассажиров, которым не обязательно сидеть лицо в лицо. – Откуда у тебя такая власть, а, карлик?

– Коронный Карлик, – многозначительно напомнил ему сам тайный советник. – Коронный... Что далеко не одно и то же.

– Ты так и не ответил, чем подкреплена твоя власть.

– Вы обращаете внимание только на то, что я карлик, и совершенно упускаете из виду, что имеете дело с тайным советником короля. И что при дворе меня обычно именуют «коронным карликом».

– Советников у всякого правителя множество, однако никто с ними не считается. Даже с теми, кого принято называть «коронными карликами».

– Вы невнимательны, господин литовский гусар. На самом деле я сказал не советник, а «тайный советник».

– Хочешь сказать, что сила твоя – в тайности?

– Так считали еще древние. Хочешь стать всесильным, стань незримым и тайным.

– Тогда возникает вопрос: почему тайным советником короля стал именно ты, обычный карлик?

– А вот этот вопрос возникать у вас не должен, – прозвучало в голосе Коронного Карлика нечто такое, что можно было услышать только в голосе коронного... карлика, и никакого иного.

– Прозвучало как угроза.

– Упаси вас аллах когда-либо задаваться подобным вопросом, господа гусары, – уже увереннее, нахрапистее молвил он.

– Почему так? – насмешливо поинтересовался тот, что сидел справа от пленника.

– А уж этим вопросом тем более задаваться не следует. Особенно вам.

Произнеся это, Коронный Карлик окончательно успокоился. Он почувствовал: человеку, пославшему за ним этих степных шакалов, нужен он, а не его труп. В данной ситуации это главное.

«Да, Коронный Карлик на многое способен, – с достоинством подтвердил про себя варшавский гном. Панический страх, охвативший его сразу же, как только остановили карету, к этому времени прошел. Можно было вновь нахорохориться и даже почистить перья. – В чем вы и те коронованные карлики, которые вас послали, очень скоро убедитесь».

– Но если после этой поездки будет как-то обижен хотя бы один мой воин, – проговорил тот, что сидел спиной, и лицо которого Коронный Карлик не смог бы увидеть, если бы даже встреча происходила днем. – Если хоть один воин будет поражен не то что ядом, саблей или кинжалом, а хотя бы громом небесным, ни о каком катафалке заботиться тебе, карлик, уже не придется.

– В этом просто-напросто не будет необходимости, – уточнил гусар, сидевший слева от варшавского гнома, который до сих пор предпочитал отмалчиваться.

Коронный Карлик нервно передернул плечами. Он знал, что при всем своем могуществе сумел нажить множество тайных и явных врагов. И как человек, подготовивший немало покушений, прекрасно понимал: призрачное могущество Коронного Карлика охраняет его лишь до тех пор, пока он остается в тени, никак не заявляя о себе ни в сенате, ни при дворе, ни, тем более в салонах различных дворянских партий.

Но и в сонном бреду ему не могло померещиться, что кто-то способен повести себя с ним так, как повели себя эти азиаты. До сих пор он со своими тайными агентами наводил ужас на многих, в том числе и на королеву, а теперь вот дожил...

– Я могу знать, кто вас послал за мной? При этом причины, побудившие к такому шагу, меня не интересуют. Просто назовите имя этого «добродетеля».

– Скоро ты его узнаешь.

– То, что предстоит беседовать с государыней или с кем-то из ее приближенных, мне уже ясно. Но кто тот человек, который.

Договорить ему не дали. Молчун набросил ему на шею удавку и стянул ее так, что Коронный Карлик вынужден был приподняться, поскольку едва не задохнулся.

«Если с тобой начали говорить в таком «тоне», значит, это конец карьеры», – почти с отчаянием подумал тайный советник, жадно хватая ртом воздух и растирая разболевшуюся шею.

Висельник-молчун убрал свое оружие так же мгновенно, как и набросил его, но Коронный Карлик успел оценить: работал человек, привычный к подобному ремеслу.

– Станный способ общения со мной вы избрали, уважаемый, – с трудом проговорил тайный советник. – Ведь я не помню, чтобы мне запрещено было отвечать на ваши вопросы или вам – на мои.

«Этот азиат еще не понимает, что ему нельзя было ослаблять удавку, – мрачновато ухмыльнулся пленник, потирая рукой все еще пронизанное болью горло. – Злодей, решивший поиздеваться подобным образом над самим Коронным Карликом, не должен был оставлять его в живых. Как, впрочем, и оставаться в живых самому.

6

Ни графини де Ляфер, ни польского принца в доме доктора де Жерона полковник не застал. Об этом его уведомила стройная девица, плечи которой скрывала черная накидка из волос, а большой серебряный крест, покоящийся на пышной, слишком вызывающе очерченной груди, призывно требовал припасть к ногам его распятия – и целовать, целовать долго и набожно, отрекаясь и молясь, впадая в грех и тотчас же раскаиваясь в нем.

– Вы католичка?

– И даже иезуитка, – с явным вызовом уточнила женщина.

– «И даже».

– Надеюсь, припасть к кресту на моем теле вам помешает не это? – с убийственной точностью вычитала его мысли черноволосая.

Округлые, отданные вечному загару щеки ее украшали две обескураживающие ямочки, способные увлечь кого угодно, даже если он смертельно ненавидит учение Игнация Лойолы и всех его последователей.

– Вы храбры, – неуверенно сказал Гяур. Однако девушка уже подалась к нему всем телом, и грудь ее еще более вызывающе потянулась к его губам.

– Храбрая, да. Вот только говорите вы об этом слишком неуверенно, – почти прошептала девушка. – Откуда у вас столько покаянной неуверенности, мой бродячий рыцарь?

Губы иезуитки показались князю чуть тоньше тех, к которым он привык, целуя Диану де Ляфер. Только у Дианы они, наверное, были чуть нежнее и трепетнее. Возможно, графиня всего лишь лучше, чувственнее играла влюбленность? Не исключено. Как бы там ни было, а графиня нравилась ему такой, каковой она обычно представляла. Может быть, именно поэтому князю и легко было с Дианой, что образ этой женщины не нужно было ни придумывать, ни каким-то образом... додумывать, приукрашивать.

Впрочем, о графине Одар сейчас старался не вспоминать – богохульствуя, не стоит молиться. А то, что без богохульства и первородного греха во время этой встречи не обойдется, в этом князь уже не сомневался.

И все же... Эта пленяющая грудь и этот огромный мученический крест, на котором, судя по всему, был распят уже не один страдалец, рискнувший причаститься грудью иезуитки...

Гяур вдруг ощутил, что его охватила мстительная ярость. Раскинув руки с широко растопыренными, слегка дрожащими от волнения пальцами, он азартно поймал в них, словно в сети, обе груди девушки, и сжал их так, что брюнетка вскрикнула и приподнялась на носках. Но при этом она не попыталась вырваться или позвать на помощь, а, наоборот, еще отважнее подалась навстречу его поцелую. Лишь в последнее мгновение князь проскользнул устами мимо ее уст и сделал то, что намеревался – слегка преклонив колено, подбострастно припал к распятию.

– Эй-эй! Эй! Что за страсти Господни? – захватила его за волосы на затылке девушка. – Я, конечно, ценю ваши христианские чувства. Но не так же неистово, князь Одар-Гяур, не так неистово! Я не могу позволить, чтобы каждый последователь Иисуса предавал себя распятию на моей груди.

Однако полковник словно бы не слышал ее. Страстно повертел головой, как бы требуя: «Не мешай!» и, обхватив ее руками чуть повыше талии, он изогнул стан девушки и вновь припал к распятию.

На несколько мгновений иезуитка поддалась ему, замерла, предаваясь ощущению близости мужчины, но затем вновь, правда, уже не столь бурно, возмутилась:

– Но мы с вами все еще на улице, князь Гяур! Мы даже не вошли в здание.

– Какое это имеет значение?

– Не хотите же вы, чтобы вокруг меня собралась толпа целовальников креста, словно вокруг блаженной?

– Кто вам сказал, что я не желаю этого?! Наоборот, я хочу, чтобы толпы мужчин почитали вас, но не за блаженную, а за святую. Впрочем, пусть они осаждают вас как блаженную, уверовав, что одно прикосновение к вашей груди способно исцелить.

– Оно действительно способно исцелить, князь, – неожиданно сухо заметила иезуитка. – Почему вы говорите об этом, как о чем-то немыслимом? Всякий, кто припадет к этой груди, немедленно исцелится, вот только припадать к ней дано не всякому. И потом, вопрос: от чего именно способен исцелиться этот несчастный?

– От чего же?

Фламандка чувственно вздохнула и совершенно иным, почти обреченным голосом поведала:

– В том-то и дело, что до сих пор на этой груди мужчины исцелялись, как правило, от тех моих колдовских чар, с которыми к ней припадали.

Гяур понимающе улыбнулся, но тут же спохватился:

– Никогда не поверю в это, прекраснейшая из прекраснейших, – напыщенно, в лучших традициях Востока, произнес он.

– Только попробовали бы поверить... – со скрытой угрозой предупредила его фламандка.

Все еще не уверенная в том, что у Гяура хватит мужества прервать эти слишком затянувшиеся страсти, женщина обеими руками приподняла его подбородок и заставила выпрямиться. На губах ее заиграла улыбка – такая же иезуитская, как и ироничный взгляд ее больших черных глаз.

– Я понимаю, что долгое пребывание в испанском плену заставляет вас, князь Одар-Гяур, по-иному вдыхать запах женского тела, по-иному воспринимать его. Но все же – не столь неистово...

– Откуда вы знаете, кто я? Почему вам известно мое имя, а также то, что я побывал в испанском плену?

– Но ведь и для вас тоже не тайна, что перед вами – гостя доктора де Жерона и что зовут меня Камелией.

– Так, значит, это вы и есть – Камелия... – не спросил, а скорее утверждался в своих догадках Гяур.

– Не знаю, каким вы предстаете в ипостаси воина, но в ипостаси простачка-любовника вы явно не смотрите. Как, впрочем, и в ипостаси актера.

– Может быть, впервые в жизни мое удивление было искренним, однако же оно тоже развенчано.

– Теперь я понимаю, почему графине де Ляфер приходится хлопотать о вас, словно о несмышленном племяннике.

Гяур поиграл желваками, но промолчал. Что он мог сказать ей, каким образом возразить? Попытаться убедить, что на самом деле графиня не хлопочет о нем? Обидеться, и тем самым подтвердить мнение о себе Камелии?

– Впрочем, сегодня вас интересует не столько графиня де Ляфер, сколько рыцарствующий монах Ян-Казимир Ваза, брат польского короля. Разве не так? – спасительно пришла ему на помощь сама фламандка. – Причем интересует он вас не сам по себе, а всего лишь как претендент на пока еще занятый польский трон.

– Мне возразить нечего, вы правы.

Попробовал бы он признать это в присутствии самой графини!

– Тогда проходите в дом. Почему мы стоим у двери?

– То есть в данный момент вы здесь.

– Хозяйка? Почти. – В этот раз улыбка Камелии стала добрее. Она, конечно, все еще не отказывала себе в удовольствии слегка подтрунивать над прищельцем, но это уже не становилось для нее самоцелью. – Не менее часа мы пробудем в доме одни. Если не считать двух слуг, которых в таких случаях никто и никогда в расчет не принимает.

– И все это время мы терпеливо будем ждать появления графини де Ляфер... – именно так, не спросил, а иронично констатировал князь, наслаждаясь идиотизмом самой ситуации, в которой они оба должны были оказаться.

– Проводить время с одной женщиной, чтобы ждать другую? – осуждающе покачала головой Камелия.

– Но вы же сами создаете подобную ситуацию.

– Из этого не следует, что тут же этим ситуациям подчиняюсь, – игриво предупредила фламандка, явно призывая полковника испытать свое везение.

– Ваше мнимое упрямство, Камелия, меня вряд ли взбудоражит, тем более что в данную минуту интересует не ваша постель и не ваша «высокая нравственность»... – это свое ученое словосочетание «ученая нравственность» князь произнес с какими-то особыми интонациями.

– Что же в таком случае способно по-настоящему взбудоражить вас?

– Только одно – правдивость ваших ответов.

– ...Чего от меня вправе требовать только муж и священник. При чем здесь вы?

– Прежде всего, хочу знать, почему вдруг вы завели разговор о Яне-Казимире? – попытался увести ее князь от дальнейшего чтения морали.

– Уже хотя бы потому, что тема эта мне более близка и приятна. К тому же здесь проявляется и моя собственная заинтересованность, – с вызывающим спокойствием ответила Камелия, но тут же, слишком уж не вовремя, умолкла.

Полковнику это не понравилось. Он не собирался выуживать из нее по слову. Но коль уж она сама упомянула о претенденте на польский престол...

7

Будуар Камелии находился на втором этаже. Это была угловая комнатка, сливавшаяся с амфитеатром башни, отгороженным от остального пространства голубоватой полупрозрачной занавеской. Отодвинув ее, девушка оценивающе осмотрела высокую постель с двумя взбитыми подушками посередине и потом таким же взглядом окинула стоявшего рядом с ней Гяура, как бы вопрошая: «Ты тоже считаешь, что достоин этого ложа?»

– Это и есть ваше обиталище?

– Приблизительно таким вы и представляли его себе, сравнивая его с обиталищами графини де Ляфер?

– Но сейчас мы не будем говорить о графине.

– Настаиваете на этом?

– Хотелось бы поговорить о вас.

– В таком случае наложим на ее имя запрет, а на нее саму – епитимью⁵. Однако признайтесь, что обо мне говорить вам не хочется. И мы не станем делать этого.

– В таком случае у нас появится больше времени, чтобы поговорить о Яне-Казимире, – охотно согласился Гяур.

– Вот о нем действительно стоит поговорить. Но не со мной, а, прошу простить меня за упоминание имени, с графиней Дианой. Советую сблизиться с этим польским принцем, пока он не ощутил на своей голове нимб короны, а главное, пока ему ближе сутана кардинала иезуитов, нежели мантия короля.

– К разговору о принце мы еще вернемся. Но пока что мне очень хочется быть поближе к вам. В смысле, поближе познакомиться, – тут же попытался уточнить Гяур, однако объяснение его фламандка восприняла по-своему: рассмеявшись, она запрыгнула на ложе и с хохотом съехала по нему так, что ноги ее наполовину оголились. При этом девушка призывно взглянула на зардевшегося князя, вовремя попытавшегося отвести взгляд от адамового искушения.

– Нет, князь, на сей раз уйти от соблазна не получится, – покачала черной накидкой волос фламандка.

– Но, собственно... – замялся Гяур, подозревая, что графиня Диана находится где-то рядом, и что женщины попросту решили устроить ему ловушку.

– Не противьтесь судьбе, князь, не советую. У каждого свое ремесло: у вас – убивать, у меня – соблазнять. Что, кстати, тоже очень часто бывает убийственным.

Гяур отвернулся, ступил к двери, но фламандка, словно кинжалом в спину, ударила его словами:

– Не вздумайте бежать, трус. Об этом узнает не только Дюнкерк, но и Париж. Не говоря уж о Варшаве. Вас устраивает такая молва и такая слава?

Полковник снял перевязь с саблей, швырнул ее на стул и приблизился к Камелии. Он так и не мог понять, что это: любовная откровенность или западня дерзкой шутницы. Но Камелия не стала ничего объяснять. Вернее, объяснила ему тем самым доступным способом, которым только и способна что-либо объяснить мужчине, оказавшись перед ним полуголой, на высоком девичьем ложе. Она взяла его руки, привлекла к себе и вновь положила на груди.

– Вы забыли о ритуальном целовании распятия на этой груди, князь, – прошептала она, всем телом подавшись ему навстречу. – А ведь это вы создали сей ритуал, полковник, именно вы. Так не отступайте же от него.

⁵ Епитимья – церковное наказание, налагающееся на верующих в виде длительного поста, ежедневных многочасовых молитв и пр.

Рычание, с которым Гяур набросился на соблазнительницу, было похоже на свадебный клич тура. Перси, талия, бедра... Мелькание одежд, в которых он безнадежно плутал, словно в беловежских дебрях; смугловатый блеск запретного тела, то вспыхивающий, будто спасительные огоньки сторожки в далекой дубраве, то вновь угасающий, вместе с последней надеждой добраться когда-нибудь... и познать.

Но когда князь разбросал все ее и свои одеяния и девушка предстала перед ним оголенной и доступной, он вдруг понял, что все возделенное рвение его неожиданно иссякло. Потный, покрасневшийся, повергнутый в смятение, он растерянно смотрел на лежащую под ним женщину, и глаза его наливались закатом яростной мольбы.

– Что, наш буйствующий рыцарь? – пощекотала его лезвием слов Камелия, обдавая холодом убийственной иронии. – Сатанинское наваждение развеялось, осталась поверженная, но не поддавшаяся женщина?

– Но это действительно... наваждение, – растерянно пробормотал молодой князь.

– Только не надо выбрасываться из окна, не стоит, – придержала его за наплечник камзола, почувствовав, что юный искатель любовных приключений вновь – все так же, турьим рыком оглашая окрестности, – готов бежать от нее. – Лучше попробуем все сначала.

– Попробуем, конечно, только вряд ли... – исходил потом разнервничавшийся, пристыженный собственным бессилием князь.

– То-то же, полковник Гяур. Это как раз тот случай, когда ваша победа над женщиной оборачивается вашим же поражением, – мстительно добивала его фламандка. – Да оставьте вы в покое мою многострадальную грудь – она, кстати, знала и не такие страсти; и положите руки под плечи. Вот так... А теперь молча, сосредоточенно целуйте свой крест, на котором был распят уже не один мужчина, всем остальным я займусь сама, – осторожно поползли ее разгоряченные пальцы по бедрам Гяура. – И запомните: быть распятым на женщине – значит познать не меньшие муки, чем когда вас действительно распинают на кресте, мой беглый пленник, – явно подражала она Диане.

– Кажется, я был слишком неосторожным, – все так же расстроено пробормотал Гяур, понятия не имея, как дальше вести себя с этой самоубийственно властной соблазнительницей. Тем временем руки его уже оказались где-то под теплыми, слегка вздрагивающими и такими заманчивыми лопатками Камелии, и теперь потянулись к ее плечам.

– «Повел себя не так!...» – задорно фыркнула Камелия. – Не в этом дело. Просто все то, что вы пытались только что совершить, делается совершенно не так, как вы себе представляли. Чем только занимается с вами графиня де Ляфер – ума не приложу.

– Пошли бы вы все к черту, – незло, с оттенком грубоватой мужской нежности, пролепетал Гяур, понемногу овладевая собой.

– Послать нас всех к черту – это еще более несбыточная мечта, чем надежда овладеть всеми нами, – окутывала Камелия его теплом своих рук и ног. – Но если желание овладеть всей женской половиной человечества – хотя в самой сути своей совершенно безумно, но еще кое-как оправдано, то попытки отречься от нас – дичайшая блажь. Что, опять ничего не получается?

– Ничего, как видите, – зло отрубил Гяур. – Так что давайте оставим эту попытку соблазном.

– Лучше оставим на какое-то время этот будуар, и пройдем в соседний зал, где, за бокалом вина, вы немного придете в себя; хотя бы настолько, чтобы вновь вспылать страстью к женскому роду. Словом, не волнуйтесь, мы сюда еще вернемся, обещаю.

8

– ...А теперь забудем о наших чувственных экзальтациях и вспомним о трезвом разуме, – мягко улыбнулась Камелия, придирчивым взглядом сопровождая уходящую от них крутобедрую служанку – слишком молодую и вызывающе смазливую для того, чтобы она могла незаметно появляться в этой комнате и столь же незаметно исчезать.

– Разумное предложение. К слову, оно могло прозвучать значительно раньше, и не показалось бы преждевременным, – согласился князь Гяур.

Они сидели в небольшой комнатке, расположенной рядом с банкетным залом, и холодное фламандское солнце с северной чопорностью освещало наполненные сидром⁶ бокалы, украшенный серебряной инкрустацией стол и невозмутимый профиль женщины, которая еще несколько минут назад казалась такой пылкой, отчаянно-храброй и умильно-несдержанной во всех проявлениях своих чувств.

– Не возражаю, могло прозвучать и раньше. Но пока что хватит об этом, – решительно потребовала фламандка. – Вам не представляется странным, что этого требую я, а не вы?

Гяур с тоской оглянулся на дверь. С графиней де Ляфер ему тоже иногда приходилось непросто. Однако сейчас он обрадовался бы появлению в омраченном его грехопадением доме этой златокудрой богини, как спасению.

– Напрасно предаетесь ожиданиям, полковник: она не придет, – с неотвратимой прозорливостью прочла его взгляд Камелия. – Графини не будет еще как минимум два часа, поскольку она занята его королевским высочеством, – иронично и резко бросала слова фламандка. – Можете вы, наконец, понять это?

Гяур рассмеялся и сделал несколько вызывающе долгих глотков. «Она пытается вызвать у меня смертельную ревность», – подумал он. Вино показалось кисловато-сладким, и вообще, у полковника не появлялось никакого желания более основательно испробовать его.

– Это я могу понять. Не могу понять другого – чем обязан вам? У меня возникло ощущение, что я должен чувствовать себя вашим должником. Вот только не возьму в толк, с какой стати.

– А «взять в толк» хотя бы то, что я не стала бы ни разводить постельные амуры, ни пиршествовать с вами просто так, не будь это продиктовано особым интересом к вам – на это вы способны?

– Совсем нетрудно.

Вновь появилась служанка, но Камелия так зашипела на нее на своем фламандском, что та попятилась вместе с яствами, от которых князь вовсе не намерен был отказываться.

– Тогда слушайте меня внимательно. Графиня де Ляфер – ваша женщина? Она ваша, не так ли? Ну, что вы смотрите на меня, что вы испепеляете меня своим голубым безумием?

– Не уверен, что она считает именно так.

– Однако же в данном случае меня интересует ваше мнение. Именно ваше, а не графини.

– В конце концов, она замужняя женщина.

– Что вы хотите этим сказать? – язвительно поинтересовалась фламандка. – Что вы свободны? Что я могу стать вашей любовницей?

– Разве вы еще не стали ею? – князь понимал, что не имеет права произносить эти слова, но его вдруг обуял бунтарский дух оскорбленного мужчины.

⁶ Сидр – вино из яблочного сока. В старину использовалось как легкий столовый напиток.

– У меня есть три варианта ответа на вашу беспардонность, князь. Остановлюсь на предельно правдивом: я не возражаю. Но, прежде чем говорить со мной об этом, вы должны усмирить свою давнишнюю любовницу. Или официальную – как вам удобнее, так и называйте. Я же всегда буду оставаться тайной.

Полковник похмельно повертел головой.

– Что значит «усмирить»? Где это должно происходить и как вы себе это представляете?

– Как усмирить? Как монахиню, как рабыню.

Полковник повертел головой еще раз, более решительно, вот только ясности сознания у него так и не прибавилось. Там, в постели, все выглядело значительно проще и понятнее. Правда, теперь у него тоже существовал довольно ясный выбор: взять эту красавицу на руки и вернуться в будуар или же подняться и уйти. Но ведь сначала нужно было выбрать...

– Вы можете по-человечески объяснить, чего хотите?

– Наконец-то, – сразу же успокоилась фламандка и, забросив ногу за ногу, оценивающе оглядела парня, пытаясь выяснить, действительно ли он готов к настоящему разговору. – С этого вопроса вы и должны были начать. Вы совершенно правы, князь: замужняя ваша графиня или нет – не так уж и важно. Главное, что вы все еще имеете на нее влияние. Вот и поведите себя так, чтобы она вынуждена была оставить польского принца Яна-Казимира Вазу в покое и заняться вами. Не волнуйтесь, я всегда исхожу из того, что ни одна женщина не способна до конца, до предела, исчерпать мужчину, так что для меня его тоже хватит. А потому совершенно не ревнива. Это я к тому, что после повторного покорения графини мое отношение к вам не изменится.

– Понятно: ваша ревность распространяется только на будущего короля?

– На человека, который обязан стать королем. Я и люди, которые меня поддерживают, должны сделать все возможное, чтобы на троне Польши восседал именно он, принц Ян-Казимир, а не его брат Кароль или еще кто-либо. Моя просьба вызвана только этой целью, а не ревностью.

– Это меняет ситуацию.

– Как видите, мы с вами все выяснили, а посему нам нет оснований ревновать друг друга. Зато появляется возможность оказывать друг другу некоторые услуги. И не только в постели, князь.

«И здесь дворцовые интриги?! – с грустью удивился князь. – Кто бы мог предположить, что судьба польского трона, оказывается, способна решаться здесь, в доме некоего фламандского доктора де Жерона?»

Что же касается «услуг в постели», то о них Гяур старался сейчас не думать.

– Но ведь графиня тоже не зря приблизилась к брату короля принцу Яну-Казимиру. Очевидно, у нее свои виды на польский трон. Пока происходило их довольно странное сближение, я пребывал в испанском плену и не имел возможности поговорить с Дианой.

– Знаю, князь, знаю, – нетерпеливо прервала его покаяние Камелия. – Можете не сомневаться, что такие виды, в самом деле, существуют. Но, как мне кажется, не у графини. Она всего лишь выполняет чью-то волю.

– Чью именно? – с убийственной непосредственностью поинтересовался Гяур.

– Возможно, своей подруги, ныне здравствующей королевы Польши Марии-Людовики Гонзаги. А нам очень не хотелось бы, чтобы она сохранила свою корону.

– Вам-то какая разница, кто станет королевой? Ведь не можете же вы претендовать на ее место в королевском ложе?

Только сейчас, пожалуй, впервые, в глазах воинственной фламандки промелькнуло нечто похожее. Если не растерянность, то уж, во всяком случае, не озадаченность. Внутренне она готова была возразить, даже возмутиться: «А п? очему бы и нет?! Почему не могу?».

Но, осушив свой бокал, поняла, что ни резкость ее, ни аргументы не покажутся князю Гяуру, этому наследнику несуществующего престола несуществующего Великого княжества, убедительными.

– Я и не собиралась претендовать на него, – прозвучало из ее уст то единственное, что способно было сохранить гордыню.

– Но если в самом деле не собираетесь, тогда почему для вас главное, чтобы коронованным оказался Ян-Казимир, а не принц Кароль, князь Ракоци или кто-либо из наследников шведского престола?

– Только не шведы! – презрительно поморщилась Камелия. – Кто угодно, только не они. Этого мы не допустим. И не Мария Гонзага – в ипостаси королевы. Она и сейчас уже бессмысленно путается у нас под ногами.

– Ждете, когда задам еще один соломонов вопрос: «У кого это «у нас»?

– У ордена иезуитов.

– Только ли? Зачем это не стремящимся к светской власти монахам?

– Это вы об иезуитах – «не стремящиеся к светской власти»?! – вызывающе ухмыльнулась Камелия. – Но, в общем, вы правы: еще у небольшой группы людей, ни имен которых, ни их принадлежности к определенному кругу указать не смогу. Все, давайте к этому вашему неуместному любопытству больше не возвращаться. Согласна, я не способна претендовать на место в королевском ложе, как изволили выразиться ваша светлость.

– Хотя тоже происходите из некоего аристократического рода? – решил проявить свою догадливость Гяур.

– Не пытайтесь делать вид, что знаете обо мне хотя бы сотую долю того, что мне лично известно о вас, – осадила его Камелия. – Но коль уж вы столь настойчиво просите удовлетворить ваше любопытство... В моем роду еще помнят того из предков, кто был римским легатом.

Брови Гяура поползли вверх, но вовсе не от того, что он оказался пораженным подобным известием.

– То есть наместником императора в одной из провинций Римской империи, когда власть ее распространялась почти до этих мест, – постарался Гяур конкретизировать эту новость.

– Еще мой дед по отцовской линии, и даже отец, носили титулы маркграфов ⁷.

– Так вы – маркграфиня?!

– Виконтесса ⁸ Фердгайнд, если угодно. Что, слишком незначительный титул для будущей королевы?

– Случалось, что ими становились не только виконтессы, но и нетитулованные дворянки, а то и вовсе простолюдинки по происхождению.

– Какая щадящая любезность с вашей стороны! Но дело вовсе не в том, что мне хочется впорхнуть в королевские покои. Просто мне необходимо быть рядом с принцем Яном-Казимиром до тех пор, пока он не окажется на троне. Всячески способствуя этому, постоянно внушая принцу, что он, именно он и только он один достоин польской короны. И что ему пора выходить из своей монашеской кельи.

– Но ведь он – иезуит. Кардинал ордена иезуитов. Что мешает вашему ордену приказать ему? Повелеть?

– Дело в том, что в ордене есть силы, предпочитающие иметь дело не с ним, а с его братом, принцем Каролем. Причем самое трудное заключается в том, что Ян может подпасть

⁷ Маркграф – в Германии и в некоторых других европейских странах – граф, являвшийся правителем пограничной провинции, марки.

⁸ Виконтесса – дворянский титул, средний между баронессой и графиней.

под влияние приближенных Марии Гонзаги, поскольку имеет виды на нее и, кажется, даже влюблен в королеву.

– Считаете, что влюбленный в королеву принц Ян-Казимир способен отречься от короны ради того, чтобы жениться на бывшей королеве?

– Почему сразу «на бывшей»? Насколько нам известно, Мария Гонзага намерена женить на себе любого из братьев своего супруга. Вообще любого взошедшего на трон после ее Владислава. Причем настроена решительно. Впрочем, вряд ли вам стоит постигать все тонкости придворных интриг польского двора. Ваша задача – уговорить графиню де Ляфер, во что бы то ни стало отвлечь ее от Яна-Казимира. Само собой разумеется, что орден умеет оставаться признательным. Как и я, ваша покорная рабыня.

Гяур задумчиво потер подбородок и, поблагодарив фламандку-виконтессу за угощение, за все то, что он познал за время их странного знакомства, и поднялся.

– Честно признаюсь, что ничего не обещаю вам, виконтесса Фердгайнд, – ответил на ее молчаливый вопрос.

– Не понимаю, почему бы вам все-таки не пообещать?

– Ничего, кроме молчания по поводу нашего разговора, – сухо заверил Гяур, решительно откланиваясь.

Но фламандка столь же решительно остановила своего гостя...

9

Коронного Карлика привезли в трактир, владельцем которого был известный тайному советнику француз, завели в полуподвальный зал и швырнули к ногам какой-то женщины. Она сидела в высоком кресле на небольшом помосте, на котором обычно сидел скрипач, и лицо ее было завешено черной вуалью.

– Припадаю к ногам, ваше... – запнулся на полуслове Вуйцеховский. Но не потому, что его верноподданническое «припадаю к ногам» звучало в этой ситуации крайне неуместно. Попробуй не припади, если к этим ногам тебя самым наглым образом швырнули?! Тайный советник прикусил себе язык как раз в тот момент, когда вспомнил, что не должен произносить слов «ваше величество». Если уж королева не пожелала, чтобы видели ее лицо, то лучше сделать вид, что не догадываешься, кто перед тобой. – Ваша светлость, – исправил он свою ошибку.

– Знаете, кто я?

– Тысячу извинений, не могу припомнить. Голос вроде бы знакомый.

– И не пытайтесь припоминать, – проговорила королева по-польски, с сильным французским акцентом.

– О, да, кажется, вы – графиня д'Оранж? Впрочем, это не имеет значения, – растерянно пробормотал Коронный Карлик. – Во всяком случае, вам проще изъясняться по-французски, мне этот язык понятен.

Взмахом руки королева отправила татар за дверь. Потом, оглянувшись, туда же отправила стоявшего за ее спиной рослого норманна из личной охраны.

«Неужели Гонзага не понимает, что одним этим норманном за спиной она уже выдала себя? – с грустью подумалось тайному советнику. – По природе своей она, понятное дело, глупа, как и все остальные королевы. Но не настолько же! Разве что просто не желает, чтобы я произносил ее титул, продолжая делать вид...»

– Любая услуга, которая понадобится с моей стороны... – негромко заверил ее Коронный Карлик, все еще продолжая стоять на коленях, по-восточному упираясь при этом руками о пол. – И никто никогда не узнает о том, что мои грешные ноги приносили меня сюда.

– До королевы дошел слух, что вы взялись пророчествовать ее судьбу, – довольно грозно повела свою речь Мария Гонзага.

Коронный Карлик никогда не был на аудиенциях королевы, однако несколько раз подслушивал ее беседу, оставаясь за тонкой перегородкой. Это нужно было канцлеру Оссолинскому, а значит, и королю.

– Что вы, ваша светлость?! – воскликнул он, изображая отчаяние. – Я? Пророчествовать?! Мои уста не достойны даже пересказывать кому-либо то, что произошло со мной вчера. А уж загадывать, что может случиться со мной завтра...

– И все же пророчествовали. Вы сказали, что вскоре, в поисках венценосного супруга, мне придется выбирать между двумя братьями супруга нынешнего.

– Обладай я даром пророчества, разве попался бы я сегодня литовским татарам, которые обращались со мной, словно с карманным вором?

– Вас повесят за ноги, если, стоя на коленях, вы не способны слушать молча.

«Предупреждение, достойное королевы, – согласился тайный советник. – Но ты забыл, что, прежде чем стать Ее Величеством, она была фавориткой французской королевы и прошла весь курс наук придворных интриг и заговоров. Весь курс придворных интриг и заговоров, который невозможно постичь ни в одном самом уважаемом университете мира! Вот он – истинный путь к королевскому ложу, а, возможно, и к трону!»

Несмотря на необычность ситуации, в которую он попал, Коронный Карлик все же пытался сохранить трезвость рассудка и даже некое подобие чувства юмора. Что давалось ему крайне сложно даже в куда более радостные времена.

– В таком положении, ваша светлость, мне трудно будет отвечать на ваши вопросы.

Мария Гонзага нервно похлопала по ладони сложенным веером, очевидно, гася желание пройтись им по физиономии тайного советника.

– Так почему королева должна выбирать между братьями короля? Можете вы ответить на этот вопрос?

Коронный Карлик готовился к нему. И все же призадумался. В представлении тайного советника вопрос должен был звучать по-иному. Королева сразу же могла поинтересоваться, почему он предлагает остановить свой выбор на князе Яне-Казимире, отвергая руку князя Кароля.

– Простите, не помню, чтобы когда-либо предсказывал необходимость такого выбора.

– Мало того, вы даже назвали имя того, на ком королеве предпочтительнее остановить свой выбор.

– Ах, вот вы о чем, – с легкой грустью «вспомнил» Коронный Карлик. – Видите ли, существует несколько влиятельных сенаторов, готовых остановить свой выбор на трансильванском князе Стефане Ракоци.

– На Ракоци?!

– ...Которому, как вы понимаете, одинаково чужды терзания как варшавского, так и парижского дворов, поскольку и в одном, и в другом троне он всегда видел опасность для Трансильвании.

– Но почему именно на этом диком, необузданном в своем венгерском нраве Ракоци?!

– На том самом, – настала очередь Коронного Карлика брать инициативу в свои руки, играя при этом на нервах Марии-Людовики, – который давно видит себя на польском престоле. И который считает, что после его правления историки будут говорить о нем как о спасителе Польши, лишь изредка упоминая, да и то при случае, имя другого польского короля Стефана. Я имею в виду Батория. Кстати, своего единокровного земляка.

– Даже так? Этого хотят сразу несколько сенаторов?! – фыркнула королева.

– Уверен, что их имена вам известны. Или станут известны завтра же.

– Они считают, что вправе выбирать?! – не сдержалась королева. – Что выбирать вправе только они?! Вы, тайный советник короля Вуйцеховский, тоже так считаете?

– Конечно же, вправе, – жестко подтвердил Коронный Карлик, буквально поразив Марию Гонзагу своей наглостью.

– Это вы так решили?

– В Польше король избирается. Варшава почти не знает традиций наследственности престола. То есть вроде бы знает, но очень часто пренебрегает ими.

– Значит, несмотря на то, что я, то есть, простите, – стушевалась собеседница, – что королева не пожелает.

– Ее Величество имела возможность убедиться, что в Варшаве, как, впрочем, и в Париже, не часто принимают в расчет даже волю короля.

– Согласна, не часто, – сквозь сжатые зубки процедила француженка при польском троне.

– А уж вдовствующей, – прости меня, Господи, за столь жестокое провидчество и не сочти за черное пророчество, – так вот, вдовствующей королеве вообще будет крайне сложно навязать сенату какую бы то ни было волю.

– Ну, она пока еще не вдовствующая, – раздраженно парировала королева.

– Пока еще нет. Но ведь и короля Речи Посполитой тоже пока еще никто не избирает. Мне-то казалось, что мы оба несколько упреждаем события, пытаясь хоть в какой-то степени

предвидеть их. Причем, как вы заметили, предвидеть пытаемся вместе, а не каждый сам по себе, как это было еще несколько минут назад, до моего визита к вам.

– Визита? Вы, в вашем положении, называете это «визитом»?

– Что же вы прикажете мне, – голос Вуйцеховского все более крепчал и становился напористее, – тайному советнику короля, считать себя пленником, пребывающим в плену в каких-нибудь двухстах шагах от королевского дворца? Кто из врагов польского короля осмелится на такое? Но если уж осмелился, в таком случае снимите эту маскарадную вуаль и представьтесь, у кого имею честь находиться в плену. Коль уж вы не боитесь гнева короля, то почему боитесь гнева Коронного Карлика?

Вопросы сыпались с такой напористостью, что Мария-Людовика растерялась. Ее поражала логика тайного советника. Она многое слышала о силе и воле этого невзрачного, но всемогущего человечка, о его влиянии на короля и дела королевства. Но француженка впервые вот так, лицом к лицу, столкнулась с тайным советником, который выиграл сотни подобных словесных дуэлей, причем в схватках с людьми настолько подготовленными и изощренными, что степень того и другого она даже не в состоянии была себе представить.

– Так все же, – явно стушеввалась она, – почему трансильванский князь, а не кто-либо из братьев короля? Почему сенаторы-поляки отдают предпочтение этому вспыльчивому, жестокому венгру?

И вот это изменение в тоне, в самом настроении королевы Коронный Карлик уловил очень тонко. Вуйцеховский понял, что с этой минуты хозяином положения становится он, а значит, и линия поведения его тоже должна становиться совершенно иной.

Не ожидая позволения, Коронный Карлик с достоинством поднялся с колен, небрежно, кончиками пальцев, отряхнул брюки и осмотрелся, нет ли поблизости чего-то такого, на что можно было бы опустить свои бранные тощие тела. Увы, ничего не обнаружилось.

– Вы что, не расслышали моего вопроса? – гневной сталью зазвенел голос королевы. Но ведь для того, чтобы содрогнуться, тайный советник должен был знать, что перед ним не кто-нибудь, а Ее Величество. Поскольку же карлик этого «не знал», гнев женщины не вызывал у него абсолютно никаких эмоций. Зато, будь в комнате еще какой-либо стул, он с удовольствием уселся бы на него. Неужели их специально вынесли отсюда?

– Кажется, вы о чем-то спросили меня?

– Спросила, и вы прекрасно поняли, о чем именно.

– О чем вы спросили, я, конечно, понял.

– Тогда извольте отвечать.

– Я действительно понял суть вопроса, однако до сих пор не могу определиться, как мне вести разговоры о делах трона, а значит, о судьбе королевства, судьбе отчизны, – все пафоснее становился тон тайного советника. – Поскольку вести их приходится с женщиной, которая, будучи уверенной в близкой кончине короля, почему-то, при еще живом правителе, пытается делить его трон, определяя наследника.

– Прекратите паясничать, вы, карлик... – окончательно сдали нервы у королевы.

– Причем определять это пытается именно со мной, а не с главой польской церкви, с коронным гетманом, королевским судьей или кем-то из сенаторов, – тоже ожесточался Вуйцеховский, понимая, что терять ему теперь уже нечего. – И делает это женщина, так и не пожелавшая ни назвать своего имени, ни открыть своего лица. Вы, собственно, кто такая? Почему говорите со мной и вообще, держитесь так, словно возомнили себя королевой?

И вот тут Вуйцеховский понял, что Мария-Людовика по-настоящему вздрогнула. И не только потому, что тайный советник короля ухитрился обвинить ее в предательстве трона, супружеской измене и в заговоре против правящего короля. А еще и потому, что, назвав ее женщиной, возмнившей себя королевой, по существу, загнал ее в западню.

Дело даже не в том, что слова Коронного Карлика оскорбили ее как королеву. Всякий раз, когда королеву оскорбляли, она, как бывшая фрейлина, с циническим смирением говорила себе: «Терпи, милочка, терпи, трон этого стоит! Тебя еще столько раз будут оскорблять, что этот случай очень скоро забудется».

Вся беда заключалась в том, что внутренне подготовившись открыться Вуйцеховскому и сделать общение с ним более содержательным, превращая этого всезнающего человека, сотворившего вокруг королевского двора целую армию соглядатаев и доносчиков, в своего союзника... Так вот, уже смирившись с неизбежностью назвать свое имя, королева теперь с горечью осознавала: открыть свое лицо, постаравшись при этом сохранить его, не получится. Мало того, если раньше у нее и в мыслях не возникало отправить Коронного Карлика на тот свет, поскольку она считала его полезным для себя и вовсе не опасным, то теперь, в напористости своих обвинений, он уже становился по-настоящему лишним у подножия ее трона.

10

Когда пламень страсти, который сжигал их обоих на этом ложе, немного угас, Камелия с детской нежностью поцеловала Гяура в уголки губ и тихо призналась:

– Я была неправа, князь.

Полковник ответил не сразу. Несколько мгновений он как бы прислушивался к отзвуку ее слов, пытаясь понять причину их появления и сам смысл сказанного.

– Понимаю, что мне это всего лишь послышалось. С ваших сладостных уст подобные слова сорваться не могли, потому как я недостойн их.

– Все-таки я действительно была неправа.

– В чем именно, божественная?

– Теперь уже, кажется, во всем.

– Но в чем же «во всем»?

– Вообще во всем.

– Такого не бывает. Извините, виконтесса, ничего подобного слышать от женщины мне еще не приходилось.

– Ничего удивительного: мне тоже. Извиняющаяся женщина – сама по себе дичайшая редкость, а уж так и таким образом извиняющаяся, как это делает женщина, зацелованная вами в любовном ложе...

Гяур слегка откинул голову и, все еще наслаждаясь пряностями ее волос, вопрошающе заглянул в глаза фламандки.

– Хочешь, изреку для тебя одну безбожную ложь? – все с той же нежностью молвила фламандка.

– Неужели только одну?

– Не перебивать, полковник, не перебивать! Речь идет о той лжи, которая на самом деле окажется единственной святой правдой, произнесенной мною за все время пребывания в этом кошмарном городе – с его штурмами, осадами и озверевшими от крови и наслаждений мужчинами?

Князь вновь зарылся в ее волосы и потянулся губами к источавшей аромат каких-то восточных благовоний, ошалело пульсирующей шее. Пульс ее сонной артерии казался ему сейчас призывными звуками боевого барабана, способного даже полумертвого поднять с земли, вернуть в седло и бросить на новый приступ цитадели.

– Но ты говори, говори. Ложь – это прекрасно.

О наследнике польского престола, борьбе за варшавский трон и прочих прелестях придворных интриг в этой постели на время было забыто. Хотя именно в этих интригах они сумели бы отыскать столько незабываемой лжи!

– Как я уже сказала, это не ложь, а святая правда.

– В таком случае, давай остановимся на чем-то среднем между ложью и правдой.

– Согласимся.

– Тогда говори.

– Знаешь, мне вдруг показалось, что до тебя, до этих любовных игр, у меня, по сути, не было мужчин. Некое соитие происходило, но к «познанию мужчины» никакого отношения оно, оказывается, не имело. Так, всего лишь обычная постельная возня...

Гяур затих, замер в своем прямом, хмельном убежище, и почти минуту не подавал никаких признаков жизни. Смысл сказанного Камелией дошел до него с тем же благостным опозданием, с каким пока что доходило все, что было связано с женщинами. Только поэтому он скептически хмыкнул. Слишком громко, чтобы женщина не расслышала этого.

– Знала, что не поверишь, – обиженно вздохнула она.

При этом Гяур ощутил движение всего ее тела и подумал, что если эта фламандская амазонка в чем-то и уступает графине де Ляфер, то ему не дано когда-либо постичь, в чем именно. Но в то же время в чем-то она даже превосходила Диану. Вот только в чем именно: в нежности, в артистичной изысканности ласк? Или, может, в умении владеть своим телом, подчиняясь мужчине и почти растворяясь в нем? В отличие от графини де Ляфер, привыкшей безраздельно властвовать не только телом своего избранника, но и его чувствами, его страстями.

«Да ты становишься магистром любовных утех! – с неприкрытой грустью усовестил себя князь. – Признай эту ложь, которая окажется единственной святой правдой, сказанной самому себе в кошмарном городе... с его штурмами, осадами и ведьмами-соблазнительницами».

– ... Но даже если ты действительно не поверишь, все же это – святая правда, – неожиданно настояла на своем фламандка.

– Что-то среднее между ложью и правдой, а? Мы ведь так условились.

– Когда я поняла, как это прекрасно – оставаться с тобой в постели, мое отношение к тебе сразу же изменилось. Разве ты не заметил этой перемены?

– Кажется, да, заметил.

Если бы Гяур не боялся еще больше огорчить женщину, он бы признался, что вообще ничего не помнит, ибо все, что с ним происходило во время их буйства, развеялось в тумане полусознания, в полубреду, в ритме пульсирующих тел и упоительности поцелуев. Если бы он только решился признаться ей в этом...

– Все начинается с женской мести. У женщин всегда так, – проговорила Камелия, томно запрокинув руки и пытаясь поймать, отогреть ногами ноги Гяура, захватив его в водоворот еще одного безумия. – Начинается с женской мести, а заканчивается женской грустью.

– Что заканчивается грустью – это понятно. Не ясно, почему начинается с мести? В чем ее смысл?

– Смысл женской мести всегда в одном и том же – в самой мести. В ее сладостности. В том, что, мстя одному мужчине, порой совершенно случайно подвернувшемуся под ногу этой женщине...

– “Подвернувшемуся под ногу женщине” – это хорошо сказано, во всяком случае, предельно точно, – отметил про себя Гяур.

– ... Она одновременно пытается мстить всем тем мужчинам, которых она так никогда и не сумеет заманить в свою постель; которые в свое время не заметили ее или пренебрегли ее женскими хитростями...

– Неужели существует еще и такая месть?

– Узнаешь. Тебе еще предстоит многое узнать. Похоже на то, что наша встреча окажется не столь уж случайной, как нам обоим показалось вначале.

Она вдруг умолкла и, почувствовав, что вновь обладает мужчиной, встрепенулась, взметнулась всем телом, словно пыталась вознестись над их греховным ложем, а вознесясь, воспарить вместе с любовником. Не избавляя при этом себя и его ни от сладостных терзаний, ни от ликующего греха.

Вознестись, правда, не удалось, они остались на земле. Однако тело Камелии еще долго металось где-то между землей и небесами, и бунтовало, и рвалось на волю, чтобы, ощутив ее, вновь предаться тому плену, в который женщина сама себя с опьяняющей обреченностью загоняла.

И так продолжалось долго. Столько, сколько понадобилось, чтобы познать и радость вознесенности и твердь греховного падения. Неописуемо долго...

11

К тому времени, когда фламандка привела себя в порядок и вышла из ванной комнаты, Гяур полулежал в глубоком массивном кресле у низенького столика, на котором валялись его сабля и два пистолета. В эти мгновения он был похож на самоубийцу, решающего для себя, каким оружием следует свести с жизнью те счета, которые морально он, по существу, уже давным-давно свел.

По-кошачьи подкравшись к полковнику, Камелия уселась ему на колени, обхватила икрами спинку кресла и с трепетом в груди поднесла к его губам распятие, поцелуй которого должен был послужить обетом молчания. В любом случае Гяур не имел права ни замечать излишней вольности, которую позволяла себе Камелия, ни тем более – задумываться над ней.

– Не буду спрашивать, хорошо ли тебе было со мной, чтобы не казаться глупой, – повела она пальцами свободной руки по его губам. Он так, по очереди, и целовал их – крест с распятием и руки, которые еще недавно распинали его самого. В искусстве палача отказать им было трудно.

– Они, очевидно, скоро придут?

– Боишься называть имя графини де Ляфер, а потому упускаешь и имя принца крови? Да, принц и принцесса скоро появятся здесь.

– И поднимутся сюда, – напомнил ей Гяур.

– Возможно, поднимутся. Если только не станут предаваться любовным утехам в одной из комнат первого этажа.

– Тогда нам придется прятаться в твоём будуаре, – кивнул он в сторону двери, за которой еще недавно происходило все то, чего, в общем-то, как он сейчас, будучи в холодном спокойствии, представлял себе – происходить не должно было ни сегодня, ни когда бы то ни было в будущем.

– Конечно. Только это ведь не мой будуар.

Гяур оторвал затылок от спинки кресла и удивленно, почти испуганно посмотрел вначале на Камелию, потом на дверь, словно там, за ней, уже кто-то скрывался.

«Чей же тогда?» – вопрошали его глаза.

– Графини де Ляфер.

– Так мы. Все это происходило? – попытался приподняться Гяур, но Камелия лишь сильнее прижалась к нему, налегла грудью на его грудь и припала губами к шее. В этом движении ее – резком и решительном – было что-то вампирское.

– Не огорчайтесь, князь, все это действительно случилось в будуаре графини Дианы и на ее ложе, – спокойно разъяснила Камелия через несколько мгновений, поскольку свой вампирский поцелуй прервала только для того, чтобы действительно вволю напиться его крови. – Я ведь говорила вам о женской мести. Женские слова нужно не только слушать, их обязательно нужно... слышать.

Гяур отрешенно улыбнулся. Ну что он мог поделать с этой фурией – с ее женской местью, со всем тем, что закручивалось вокруг него в непонятной и противной ему интриге?

– Извините, виконтесса, по наивности своей, я счел ваше предупреждение сугубо философской формулой.

– И не ошиблись, князь, и не ошиблись. И философской – тоже.

– Теперь понятно: в ваших устах все философские формулы обретают формы орудий для пыток.

– Согласна, возможно, это не самая изысканная месть, – по-своему истолковала его кислую улыбку расчувствовавшаяся фламандка. – Но все же, согласитесь, она довольно... изысканна.

– Как и ваша женская логика.

12

– Что это за отряд, Хозар?

– Рота наемников. Если быть точнее, взвод баварских рейтар и взвод хорватов. А вместе с ними – десяток швейцарцев, то есть все, что осталось от швейцарского полка.

– И где же вы умудрились собрать весь этот... пардон, все это воинство, – скептически осмотрел Гяур неровные ряды роты, выстроенной в порту, у самого причала, у которого их ждал фрегат «Кондор» под командой все того же капитана Хансена.

– Личный подарок генерала де Мовеля. Его последний резерв.

– Весьма трогательно, если учесть, что в нашем отряде осталось всего полторы сотни казаков, и что генерал никакого подкрепления не обещал.

– Узнав о решении высадиться в тылу испанцев и штурмовать форт Викингберг, генерал де Мовель был растроган вашей храбростью. Он был растроган, этот генерал. «Ни один французский офицер не рискует столь отчаянно, как наш полковник-чужеземец. Мне трудно понять, что им движет, но что-то же им все-таки движет...». Именно такими были слова этого французского генерала. Я слышал их от адъютанта де Мовеля майора Косты.

– Мною движет понимание рыцарской чести – неужели неясно? – недовольно проворчал Гяур. Он еще мог понять людей, интересующихся подробностями его вылазок в тыл испанцев, совершенных после возвращения из плена. Однако его приводило в холодную ярость их стремление во что бы то ни стало добиться объяснения мотивов этих рискованных операций. – Надеюсь, генерал еще помнит о кодексе рыцарской чести, несмотря на то, что большинство французских офицеров благополучно забывают о нем.

– Генерал уважает вас, князь. Генерал – он уважает... – вновь попытался блеснуть красноречием Хозар. Впрочем, Гяур уже давно привык к этому изысканному блеску риторики.

Они сошли с коней, и Хозар сразу же направился к кораблю, чтобы лично убедиться, что там все готово к отплытию. Капитан ждал его у трапа, гордый собой и преисполненный желания повести корабль хоть на край света. Но прежде чем пообщаться с этим властелином судна, Гяур обратил внимание на офицера, командовавшего наемными чужестранцами.

– Так это вы, князь? – напыщенно поинтересовался тот.

Лицо офицера, восседавшего на пегом коньке перед строем наемников-пехотинцев, показалось Гяуру настолько знакомым, что ему не хватало только вспомнить имя, чтобы затем припомнить все остальное, что с ним связано.

Это мрачное, почерневшее от пьянства и собственной угрюмости лицо... Этот тяжелый взгляд из-под густых нависших бровей... Они были знакомы Гяуру, вот только он все еще не мог припомнить, где и при каких обстоятельствах это знакомство состоялось.

– Вы лично собираетесь командовать отрядом, который будет высаживаться в тылу испанцев, князь?

– Это единственное, в чем вы можете не сомневаться, поднимаясь на борт судна.

– Тогда мои головорезы могут не сомневаться в успехе, не будь я пехотным капитаном.

Только услышав слова: «Не будь я пехотным капитаном...» Одар-Гяур неожиданно вспомнил: «Господи, да это же капитан Кодьяр! Хотя... неужели это действительно Кодьяр?! – поиграл он желваками. – Тот самый, что когда-то похитил графиню де Ляфер, собираясь казнить ее в пригороде Варшавы, в имении графини д'Оранж. Тогда этому злодею удалось бежать. Интересно, в скольких еще грязных делах, в скольких интригах успел принять участие этот негодяй?»

Полковник оглянулся на своего коня, которого, вместе с конем Хозара, держал за поводья его адъютант. Но Кодьяр уловил этот взгляд и понял, что конь ему нужен для того, чтобы сразиться.

– Сам Бог послал мне вас во Францию, – оскалил остатки желтых, потрескавшихся зубов командир роты наемников.

– Мне хотелось встретиться с вами значительно раньше, – в тон ему ответил полковник.

То, что произошло дальше, показалось Гяуру совершенно невероятным. Капитан вдруг выхватил кавалерийскую саблю и понесся на него. Лишь в последнее мгновение князю удалось остановить страшный удар, приняв его на рукоять своего меча – к шпаге полковник так и не смог привыкнуть. Длинный, с узким лезвием, меч был именно тем оружием, к которому он был приучен с детства.

– Остановитесь! – метнулся наперерез Кодьяру молоденький лейтенант-баварец. – К нам приближается принц де Конде!

Но капитан успел развернуть коня и вновь попытался срубить Гяура.

В этот раз полковник еще хладнокровнее остановил его удар, отвел лезвие сабли и, захватив руку Кодьяра, вывернул ее так, что, взыв от боли, тот выпустил оружие.

Легко ранив капитана в бок, Гяур вдруг в ярости поднырнул под круп его коня, поднял вместе со всадником на плечи, ступил несколько шагов и, развернувшись, швырнул их обоих с крутого обрыва в море.

Если рота на какое-то время и онемела, то лишь для того, чтобы, придя в себя, разразиться таким возгласом восхищения, что фрегат покачнулся у причала, словно от мощного порыва ветра. Взметнулись вверх полсотни сабель и шпаг. Кто-то выстрелил в воздух из пистолета. И только отчаянная команда лейтенанта-баварца: «Смирно! Равнение на главнокомандующего!» – заставила наемников умерить свой пыл и обратить внимание на приближающегося принца де Конде, в небольшой свите которого выделялся своим рослым вороным конем генерал де Мовель.

– Что здесь происходит, полковник? – рванулся к Гяуру комендант Дюнкерка.

– Небольшой урок рукопашного боя для негодяя, привыкшего убивать, пренебрегая не только правилами дуэли, но и просто правилами чести.

– Капитан Кодьяр подло напал на господина полковника, – неожиданно вмешался рослый лейтенант-баварец. – Мы все готовы свидетельствовать, что это был нечестный поединок.

– Я видел, что здесь происходило, – успокаивающе поднял руку принц де Конде. Пришпорив коня, он приблизился к обрыву и наблюдал, как по каменистому мелководью, оступаясь и падая, выбираются на берег очумевшие от страха и всего происшедшего капитан Кодьяр и его конь.

Держась окровавленной рукой за бок, капитан почти поднялся на возвышенность, на которой его ждал главнокомандующий. Двое швейцарцев-санитаров даже бросились к нему, чтобы помочь. Но Кодьяр наотмашь ударил одного из них в лицо и, выхватив кинжал, изо всей ярости всадил себе в грудь.

Не произнеся ни слова, принц де Конде с презрением на устах наблюдал, как Кодьяр ступил еще несколько шагов и упал навзничь прямо у ног его коня.

– Лейтенант, – спокойно обратился Гяур к рослому, с побитым оспой лицом баварцу. – Примите командование ротой и ведите ее на корабль. Через час отходим. Если только вы подтвердите мой приказ в отношении лейтенанта, ваше высочество, и позволите выйти в море, – со сдержанной вежливостью обратился он к принцу, и только теперь вернулся в седло.

– Уводите своих солдат, лейтенант, – небрежно махнул рукой принц.

Проследив, как наемники уходят, Гяур перевел взгляд на главнокомандующего и увидел, что они стоят рядом, чуть ли не соприкасаясь стременами.

– Теперь у меня полное представление о том, как вы сражаетесь на поле брани. – Они были почти ровесниками, но рядом с могучим князем Гяуром худощавый, слегка сутулова-

тый принц казался едва сформировавшимся подростком. Другое дело, что он старался держаться с унаследованной от своих воинственных предшественников-аристократов из рода Конде горделивой властью. – Признаюсь, ничего подобного в своей жизни я не видел, – слегка кивнул он в ту сторону, где мокрый конь, тревожно похрапывая, отряхивался над истекавшим кровью капитаном Кодьяром.

– Иногда меня вынуждают, – кротко объяснил Гяур. – Не хотелось бы говорить такое о мертвом, но что поделаешь, многие мертвые даже уходят от нас, как уходят негодяи.

– В чем я никогда не сомневался. Однако хватит об этом мерзавце. Мне давно докладывают, что вы почти непрерывно терзаете ближние и дальние тылы испанцев дерзкими набегами.

– Как еще совершенно недавно они терзали набегами с моря тылы ваших войск, господин главнокомандующий, и всю фландрскую часть Северной Франции.

– Судя по всему, вы прекрасно переняли их тактику.

– Простите за смелость, ваше королевское высочество, но у нас своя, казачья, тактика, которой мы обучаем также и ваших наемников.

– Это заметно. Ага, вот и дьявольское оружие, которым вы наводите на испанцев ужас и которое, как утверждает молва, обладает колдовской силой, – добродушно улыбнулся принц, принимая из рук встревоженного Хозара, который прибежал выяснить, что происходит на берегу, тяжелое стальное копье Гяура.

Взвесив оружие, принц внимательно осмотрел его и несколько раз перебросил из руки в руку. Копье-меч рассчитан был явно не на него. Оружие создавалось под другую силу и предназначалось не для парадов.

– Обычное копье, – обронил полковник. – Всякое колдовство, очевидно, порождается страхом.

– Мне доложили, – мельком взглянул принц на генерала де Мовеля, – что вы собираетесь отправиться с войсками к Викингбергу.

– Мои лазутчики донесли, что там появился новый испанский генерал, дон Кастильеро, принявший командование после гибели генерала д'Арбея.

– После загадочной гибели, – уточнил принц де Конце, с трудом перебросив копье Хозару. – Будет невежливо с моей стороны не нанести ему визит.

– Крайне невежливо, – согласился принц, многозначительно переглянувшись с генералом де Мовелем.

– Однако сам визит представляется довольно рискованным, – заметил доселе молчавший генерал.

– Этим он и запомнится – и моим воинам, и, конечно же, испанцам. По крайней мере, тем из них, кто уцелеет.

– Если ваш рейд, полковник, завершится успешно, вы получите двухнедельный отпуск, после которого понадобится мне для одного очень важного поручения, – принц де Конде проговорил это вполголоса, так что из всей свиты слова его мог расслышать разве что комендант Дюнкерка. Да и сама интонация свидетельствовала об особой секретности предстоявшей князю миссии, а, следовательно, исключала какие-либо предварительные вопросы и разъяснения.

– Наш рейд, как и мой личный визит, потрясет испанцев своей изысканной вежливостью, – заверил его Гяур, – и не может оказаться безуспешным. После чего я сразу же поступаю в ваше полное распоряжение.

13

Почти весь день фрегат «Кондор» шел курсом на северо-восток, держась подальше от берега и прибрежных островков, чтобы не выдать испанцам своего появления. И лишь когда с Северного моря в сторону Па-де-Кале подул пронизывающий ледяной ветер, нагоняя в пролив айсберги низких свинцово-черных туч, полковник приказал резко сменить курс, нацеливаясь на берег где-то между Дюнкерком и Остенде.

– Штурман должен вывести нас точно к мысу, на котором находится испанская батарея, – напомнил князь капитану судна Хансену, поеживаясь под порывами влажного норд-оста.

– Вы неплохо освоили географию, полковник. Уж не собираетесь ли перейти на службу во флот Его Величества?

– Никогда, при всем моем уважении и к флоту и к Его Величеству королю Франции.

– Как по мне, так прозвучало вежливо, но решительно.

– Просто сам этот мыс запомнится мне на всю жизнь. Но это уже из сугубо личных воспоминаний.

– И все же, с чем-то они связаны. Уж позвольте полюбопытствовать... – попыхивал коротенькой трубочкой капитан.

– Память о тех временах, когда я оказался в испанском плену.

– О да! Плен – это всегда незабываемо, – согласно кивнул Хансен, который, как уже стало известно Гяуру, тоже успел побывать в плену, но... в пиратском.

Часть команды и казаков он приказал усадить на весла, и теперь корабль шел так, как шел бы под сильным попутным ветром.

– Двадцать казаков во главе с сотником мы высадим в полумиле от мыса, – кивнул Гяур на стоявшего рядом с ним у борта Гурана.

– Я плохо смыслю в сухопутных баталиях, полковник, – сдержанно ответил капитан судна, – поэтому полностью полагаюсь на вашу рассудительность и ваш опыт.

– И чтобы к рассвету от батареи остались только орудия, – продолжил князь наставлять сотника, – но и те были нацелены на городок и порт.

– Орудия мы пощадим, – невозмутимо пообещал Гуран. – Они нам еще пригодятся.

– Ты, Хозар, садишь свою полусотню на плоты и от западной оконечности мыса пробираешься к причалам. Пока мы ворвемся в порт и высадимся, твои воины уже должны хозяйничать на двух-трех кораблях, которые ты обозначишь факелами на корме.

– О-дар! – ответил тот боевым кличем воинов Острова Русов.

– Вы, лейтенант Гордт, высаживаетесь в западной части бухты и, не поднимая лишнего шума, входите в северную часть города.

– И мы обязательно войдем в нее, – заверил его лейтенант. – Сегодня мои храбрецы будут сражаться, как никогда раньше.

– Иначе они не представляли бы перед Францией в облике таких храбрецов, – с благо-склонной снисходительностью поддержал его полковник. – А тем временем в южную часть должны будут ворваться сотни ротмистра Улича.

– Разве они уже здесь? – удивленно уставился на него лейтенант.

– По крайней мере, хочется в это верить. Улич высадился ночью, в двух милях от Дюнкерка, и движется на каком-то расстоянии от берега.

– Однако же никаких вестей от него мы пока что не получали, – с тревогой заметил Гордт.

– Уверен, что вскоре он возвестит о себе самым решительным образом.

– Даже если Улич и не вступит в Викингберг, то значительную часть гарнизона все же отвлечет на себя, – уточнил Хозар.

– Пока мы будем сражаться на берегу, вы, капитан Хансен, направите по несколько моряков на захваченные суда. Два корабля они должны будут увести в море, остальные поджечь.

– Если мы захватим орудия, то ударим по кораблям, стоящим у западной части залива, – предупредил Гуран. – После пяти залпов орудия выводим из строя и прорываемся в порт, к кораблям.

Ветер пощадил их десанты. Когда началась высадка, норд-ост почти совершенно утих, и даже те солдаты, которые ушли на плотках, сумели добраться до берега сухими, не намочив пороха.

В извилистый, похожий на узкий фьорд, залив фрегат «Кондор» вошел уже тогда, когда Гуран завязал схватку на батарее, а на южной оконечности в бой вступил полк Улича. Только рейтар лейтенанта Гордта все еще слышно не было, но Гяур успокаивал себя тем, что, очевидно, баварцы продвигаются к центру, не встречая никакого сопротивления. Уж где-где, а появления французов на западном берегу залива, да еще и со стороны моря, испанцы, конечно, не ожидали.

Фрегат ворвался в бухту уже под ядрами батареи, захваченной казаками Гурана. Орудия били довольно метко, поскольку пять баварцев-канониров, которых полковник присоединил к отряду сотника, дело свое знали. Какой-то испанский корабль загорелся буквально рядом с проходящим мимо кораблем французов. Другой лишился кормовой надстройки и получил сильную бортовую пробоину. Теперь одна часть его команды пыталась вплавь добраться до берега, а другая все еще надеялась спасти судно, посадив его на песчаную отмель. По всему, что в эти минуты происходило, было ясно, что рейд противника оказался для испанцев полнейшей неожиданностью. Правда, полковник все упрямее задавался вопросом: «Где же находится Улич?»

При этом князь не столько переживал за успех рейда его подразделения, сколько за судьбу самого ротмистра. Как-никак Улич оставался одним из тех немногих воинов, которые сопровождали его во время «французского похода», будучи выходцами из древней славянской земли Острова Русов, все еще ждавших и своих воинов, и своего часа под гнетом османского ига. Остальная же часть воинов, пришедших с ним из устья Дуная, по-прежнему несла службу в районе Каменца-Подольского, охраняя там днестровские рубежи Речи Посполитой. Это-то и успокаивало наследника великокняжеского престола. Больше всего он опасался того, что придется возвращаться на землю отцов без воинов-русичей.

– Капитан, огонь из всех орудий! – приказал Гяур. – По кораблям, шлюпкам и портовым постройкам, а также по любому судну, которое попытается оказывать сопротивление. Пальба должна быть такой, чтобы испанцы решили, что в гавань вошел весь французский флот.

Хансен что-то крикнул артиллерийскому офицеру на своем фризском языке, и тот метнулся к орудиям.

– Вижу справа по борту факел на двухмачтовом бриге! – доложил марсовый.

– Значит, один корабль уже в наших руках, – откликнулся полковник, берясь за подзорную трубу.

– Мои бомбардиры предупреждены, – поспешил заверить Гяура капитан фрегата.

В ту же минуту на одном из кораблей испанцев ожили бортовые орудия. Ядро снесло часть парусной оснастки на первой носовой мачте «Кондора». Но фрегат ответил таким мощным залпом, что испанцы почти прекратили огонь, и команда поспешила оставить загоревшийся корабль.

– Только бы теперь твои казаки не разнесли нас в клочья! – успел прокричать Хансен, когда залп батареи с мыса ударил по западному причалу, но при этом ядро, уже свое, вновь повредило парусную оснастку.

– В любом случае, это похоже на настоящее сражение. Вам не кажется, гнев Перуна? – оживился Гяур.

Вид того, что происходило сейчас в порту и на берегу, вселял в него не страх, а воинственность. Этот человек был рожден для сражений. Смерть в бою воспринималась им с такой же неотвратимостью, как и победа.

– Мне все же кажется, что настоящее сражение ждет нас в кварталах этого города, – озабоченно предупредил его капитан. – Впрочем, нам еще только предстоит полностью овладеть портом и припортовыми кабачками.

– Так сообщите команде, что после взятия города все припортовые кабачки будут отданы ей для отведения истосковавшихся душ.

– А что, – рассудительно согласился капитан, – иногда обещание отдать добытый войсками город суток на трое «на волю победителей» действует на солдат значительно призывнее, чем самые возвышенные патриотические призывы. В свое время я успел побывать солдатом, и хорошо знаю это.

14

Коронный Карлик так и не заметил, какой знак подала королева кому-то из своих слуг, и подавала ли вообще. Он только вдруг услышал, как резко распахнулась дверь. В следующее мгновение его оторвали от земли и швырнули в проем. Там подхватили и швырнули в другую дверь, которую им же и открыли.

Это работали норманны. Они швыряли его, как пираты-висельники – игральную кость. Они пробовали его позвоночник о ребра массивного дубового стола; плечами его испытывали на ветхость массивные каменные стены...

К счастью, это продолжалось недолго. К ногам королевы Коронного Карлика швырнули в том состоянии, когда он еще способен был осознавать, где он, что с ним происходит и перед кем – хотя и на коленях – стоит, с кем разговаривает.

– Ты, славянская плесень, – накрутил его волосы себе на пальцы норманн, что задержался рядом с ним дольше остальных троих. – Сейчас ты будешь отвечать на каждый вопрос, который тебе зададут. – Продолжая накручивать волосы, он в то же время врезался кулаком в темя и вгонял голову Вуйцеховского в плечи с такой буйволиной силой, что в какую-то минуту варшавский гном ощутил, как у него захрустели шейные позвонки.

– Буду отвечать, буду! – взмолился он, поняв, что его уже не пугают, а медленно и верно загоняют в иной мир.

– Оставь его, – наконец пробился до сознания Коронного Карлика все тот же властный голос Марии де Гонзаги.

Норманн послушно ослабил кулак, с силой вырвал пальцы из пропитанных потом и кровью волос и прогромыхал сапогами, удаляясь на свое место за дверь.

«Надо бы прибрать этого варяга к рукам, – с душевным стоном в груди пережевывал остатки своих мыслей Коронный Карлик, оседая на пол и чувствуя, что вновь поставить его на ноги не сумеет даже этот осатаневший норманн. – Он мне еще может пригодиться. Никак, его специально обучали искусству допроса. Интересно, кто и с какой целью? Обычный воин не сделает всего этого столь изысканно. Выживу – обязательно займусь им. Однако сначала нужно, во что бы то ни стало, выжить».

– Итак, мы остановились на светлом образе трансильванского князя Стефана Ракоци, – напомнила ему королева, все еще предпочитавшая не открывать ни своего лица, ни титула. – Какие черты ты способен добавить к нему?

– К Стефану Ракоци – никаких. К ситуации в пределах Речи Посполитой – пожалуйста. Здесь столько дегтя, столько черт и чертей...

– Тебе известно что-либо такое, чего не знают король и его ближайшее окружение?

– Король многого не знает, поскольку все чаще отчуждается от земного, чтобы задумываться о вечном.

– Общие слова, – процедила венценосная француженка. – Что еще?

– Слишком смутные времена приближаются. Вот-вот запылает Украина. Крымский хан гуляет чуть ли не под стенами Люблина. Как только дойдет до престолонаследия, раздоры между шляхетскими родами усилятся.

– Все это мне тоже известно, – сурово жала на него Мария де Гонзага.

– Проще будет, если вы попытаетесь прояснить свой интерес к грядущим событиям, – попытался подсказать ей тайный советник. – Что именно вас интересует?

– Чем руководствуются сенаторы и те шляхтичи, которые готовы броситься в ноги Ракоци?

Коронный Карлик с трудом отжался левой рукой от пола, встал на колени и повертел головой, пытаясь окончательно прийти в себя.

«Здорово же они помяли меня, твари норманнские, – прокрипел он зубами. – Ничего, лишь бы выбраться отсюда...».

– Они считают, что настало время, когда Польше снова нужен король-полководец. А Ракоци достаточно повоевал для того, чтобы знать, как вести себя на поле боя во главе армии.

– Ян-Казимир тоже воевал.

– Обычным офицером.

«Он прав, – признала Мария де Гонзага. – Сейчас, как никогда, Польше нужен полководец».

– Если вспыхнет война с казаками, а тем более – с турками и крымской ордой, Речи Посполитой... – тайный советник с болью разогнул спину и с трудом, но все же поднялся на ноги. «Что ни говори, а стоя на своих двоих, чувствуешь себя увереннее». – ...Так вот, Речи Посполитой тут же понадобятся воины, много воинов. И хотя бы один надежный союзник, который бы способен был заменить ослабевшую в многолетней войне, растерзанную Францию.

– Ничего, Франция не из тех стран, которую можно заставить склонить перед кем-то голову, – процедила Мария-Людовика де Гонзага. – Она еще воспрянет во всей своей имперской мощи.

– Когда-то в будущем, несомненно, воспрянет, – согласился Коронный Карлик. – Но... всякому сенатору понятно, что в будущем. А тем временем уже сегодня многие аристократы задаются вопросом: кто способен предстать перед поляками в роли надежного, воинственного союзника? Не когда-нибудь в будущем, а... завтра? Тут-то сенаторы и полководцы нашей страны неминуемо приходят к выводу: только князь Ракоци способен привести в Польшу хоть какое-то войско, то есть несколько полков своих трансильванцев, имеющих, кстати, горький опыт войны с турками. Только он способен подарить Польше хоть какого-то союзника – Трансильванию.

– С этим трудно не согласиться. Что еще? – нервно теребила платочек королева. Коронный Карлик понимал: ей важно знать абсолютно все доводы сторонников Ракоци. – О чем они говорят вне сейма? Не молчите, Вуйцеховский, не молчите, иначе за вас вновь примутся эти варяги.

Коронный Карлик выразительно передернул плечами, как бы говоря: «Если вы действительно хотите знать правду – пожалуйста. В данной ситуации мои откровения стоят недорого. Если только вы в самом деле хотите знать ее, эту правду...».

– Вам должно быть известно, ваша светлость, что многие сенаторы не желают больше видеть на престоле иезуита. Хватит с них Сигизмунда III. Однако же известно, что оба брата короля – иезуиты, кардиналы ордена святого Игнатия Лойолы.

– В то время как Ракоци скорее безбожник, нежели правоверный христианин, – парировала королева, начиная подозревать, что и сам Коронный Карлик является тайным сторонником трансильванского проходимца.

Что же касается засилья в Польше монахов-иезуитов, их всевозрастающей властности, то сейчас это ее интересовало менее всего. На кону были трон и корона королевы. Она исходила только из этого.

– Возможно, в каком-то смысле этот венгр действительно является безбожником, – вел свою линию в этом странном диалоге Вуйцеховский. – Зато ясно заявил, что готов каленым железом выжечь в католической Польше греческую схизму, не оставив православным не только ни одной церкви, но и ни одного камня на том месте, где эти церкви стояли.

– Он так сказал? – вздрогнув от удивления, всем телом подалась вперед королева. – Стефан в самом деле сказал именно так?

– Именно... И по словам, и по смыслу.

Мария-Людовика вновь откинулась на спинку своего троноподобного кресла и вцепилась тонкими нежными пальчиками в подлокотники. В эти мгновения она не просто осмысливала свой ответ, она решалась на него.

– Пожалуй, их карпатский дикарь действительно способен на это, – наконец изрекла она то признание, которое с таким трудом далось ей и как женщине, и как королеве. – В отличие от польского сената и нашего королевского рода, никаких обязательств перед украинскими казаками и их православной верой у него нет.

– Поэтому мириться с существованием самих казаков, во всяком случае, тех, кто не пребывает на королевской службе, он тоже не намерен. Объединив полки трансильванцев с полками коронного войска и народным ополчением, он найдет способ искоренить и такое «великое зло Польши», как Запорожская Сечь.

– Над вашими доводами стоит задуматься, – неохотно признала королева.

– Притом что высказал я пока что не все: сенаторам стало известно, что Стефан Ракоци довольно богат. Мало того, в виде платы за трон он готов основательно пополнить казну Речи Посполитой. А что способны принести с собой европейские бездомники Ян-Казимир или Кароль, которые сами постоянно нуждаются в жертвованиях со стороны польской казны?

* * *

На сей раз королева замолчала надолго. Коронный Карлик понимал, что сейчас в душе ее разгорается целая буря чувств, которые Мария де Гонзага до поры предпочитала скрывать. Тем более при нем, «славянской плесени».

– А теперь вы должны назвать мне имена этих сенаторов, – наконец решилась она. – Всех до единого. Обещаю, что никто из них никогда не узнает, от кого я получила такие сведения.

– Все они хорошо известны вам.

– Мне известны имена всех сенаторов. Назовите тех, кто явно намерен присоединиться к лагерю Ракоци.

Варшавский гном не спеша назвал несколько фамилий. Это были влиятельные люди, за каждым из которых стояли большой аристократический род и целые кланы семейств мелкопоместных шляхтичей. А еще – обладал определенным влиянием в высших церковных кругах.

– Кстати, большинство из этих дворян, кроме всего прочего, не желают усиления влияния в Польше французского двора, поэтому они будут делать все возможное, чтобы после ухода короля к Господу, королева-француженка тут же потеряла всякое влияние в стране. И в этом они тоже полагаются не на братьев Владислава, а на Стефана Ракоци.

– Этого вы могли бы и не говорить, – еще раз выдала себя королева.

– Я назвал только тех, кто уже явно раскрыл свои намерения, – предупредил тайный советник. – Когда дело дойдет до избрания короля, у них, уверен, появится немало новых сторонников.

– Мне нужно будет знать имена и этих, новых. Их действия. Знать людей, которые возьмут на себя роль посредников между ними и князем Ракоци.

Коронный Карлик едва сумел сдержать чуть было не вырвавшийся из его груди вздох облегчения. Как он ни бодрился, а после встряски, заданной ему норманнами, у него появилось серьезное опасение, что остаток этой ночи им опять будут развлекаться если не норманны, то литовские татары. Что было бы ужасно. Вуйцеховский панически боялся их азиатских пыток и дьявольских казней. Но, судя по всему, он снова понадобился королеве. Она пока что нуждается в его услугах – а это уже гарантия.

– Я выполню все, что прикажете. Простите, что прикажет вашими устами Ее Величество.

– ...А также знать людей, которые опасаются влияния французского двора.

– Будет удобно, если я смогу передавать все интересующие вас сведения через графиню д'Оранж?

Для него это был принципиальный вопрос. Он пытался понять, что произошло. Ведь до сих пор королева довольствовалась теми сведениями, которые получала через свою землячку-графиню. Если она хотела знать еще какие-то подробности, нюансы, то опять же могла спокойно расспросить об этом через Клавдию или через нее же договориться о встрече с ним, тайным советником. Зачем королеве понадобился весь этот «налет орды», издевательства норманнов? Больше не доверяет д'Оранж? Заподозрила ее в измене? В том, что одновременно служит и ей, и коронному гетману Потоцкому?

Это важно было знать сейчас.

– Пока через нее, – сухо подтвердила королева. – Все, аудиенция завершена. Сейчас вас отвезут на то место, откуда привезли сюда.

– Весьма учтиво привезли, – без тени иронии уточнил Коронный Карлик, заверяя таким образом, что инцидент исчерпан и зла на ее слуг, а уж тем более на саму королеву, он не держит. – Но... Я ответил на все вопросы, которые интересовали вас. Позвольте же и мне задать всего один-единственный вопрос.

– А вы уверены, что его следует задавать? – поднялась со своего места королева.

– Нет, он не будет затрагивать моральную сторону нашего чудного свидания. И не будет касаться вашей личности.

– Естественно, не будет, – иронично заверила его королева.

– Для меня важно знать: зачем понадобилось привозить меня сюда? Ведь Ее Величество могла воспользоваться услугами графини д'Оранж.

О королеве Вуйцеховский по-прежнему говорил в третьем лице, решив до конца придерживаться условий игры, хотя, заявляя: «Аудиенция завершена», Мария-Людовика тем самым окончательно выдавала себя.

– У вас глупая привычка, господин Коронный Карлик, – процедила королева. – Вы всегда норовите недоговаривать именно тогда, когда больше всего нужна ясность. Графиня тоже понимает это, но разве она обладает хоть какими-то средствами влияния на вас?

«Вы опять чего-то не договариваете», – вспомнил Вуйцеховский любимую фразу графини де Ляфер. Видимо, не так уж редко они общались, эти две высокородные сволочные француженки.

– Приучите себя к тому, что вы – или молчите или говорите все, что нужно, чтобы у королевы возникало как можно меньше вопросов.

– Значит, я обязан отучиться недоговаривать, – это уже был не вопрос. Тайный советник уяснял для себя задачу.

– Неужели вам понадобятся еще и какие-то разъяснения?

– Просто странно: я-то до сих пор считал свое умение недоговаривать истинным искусством всякого посвятившего себя службе королю. Особенно службе Его Величеству в ипостаси тайного советника. Даже стремился к его вершинам.

– Кстати, о «службе королю» тоже советую подумать, – бросила королева, но уже на ходу, готовясь исчезнуть за небольшой потайной дверью, скрытой от глаз Коронного Карлика высокой спинкой кресла.

– Вы против того, чтобы моя служба была чересчур преданной?

– Чтобы она выглядела чересчур усердной.

«Только не говори, что службу королю ты считал своей высшей добродетелью, – язвительно посоветовал сам себе Вуйцеховский. – По крайней мере, не произноси этого вслух». Именно поэтому вслух он произнес:

– После этой памятной встречи я неминуемо задумаюсь над этим. А также пересмотрю некоторые другие взгляды.

– И привязанности, – на ходу обронила королева.

15

В эту ночь Власте снился сон, который однажды, после смерти Ольгицы, она уже видела: взбесившаяся от половодья река безжалостно размывала плотины берегов и подступала к большому каменистому утесу, постепенно затапливая при этом охваченный холодным пожаром цветения сад и щедро возошедшее деревянными и каменными крестами кладбище.

Это был даже не сон, а какое-то навязчивое, вещее видение, сцены которого то ли представляли выхваченными из растревоженной памяти реки, то ли являлись пророчеством из будущего – е?е и всего имения Ратоборово.

В любом случае, Власта почти наяву видела, как мимо нее проносятся сорванные ураганом крыши домов, растворявшиеся в мутности течения вместе с полуразрушенными лодками, полуразвалившимися гробами и корневищами деревьев. И наблюдала она все это, как и в прошлый раз, находясь где-то глубоко внизу, у подножия огромного, низвергающегося из самих небес, водопада.

Все то, что реке удалось вырвать у берегов и пленить своим разбушевавшимся половодьем, проносилось мимо нее, появляясь откуда-то из поднебесья и уходя в разверзшуюся бездну. Впрочем, сама река, весь потопный водопад ее, исчезали прямо у ног ратоборовской колдуньи.

– Проснись и взойди на холм! – прорезал ее сознание властный голос. – Проснись и взойди.

– Я должна взойти на Сатанинский холм?

– Он не сатанинский, он святой, – властно и в то же время с ангельской умиротворенностью объяснил голос. – Проснись и взойди на него.

Проснулась она или так и поднялась, пребывая во сне и повинаясь голосу Высших Сил, Власта понять не могла. Зато отчетливо увидела, как осветилось кроваво-красным пламенем окно, словно на него направило свои лучи непонятно почему появившееся посреди ночи восходящее солнце. Открыв его, Власта взобралась на подоконник и какое-то время созерцала огромное разгоравшееся пламя, отблески которого одновременно отражались в реке и на небесах.

Костер, зарождавший это пламя, взметался ввысь на вершине Сатанинского холма, на том самом месте, где когда-то сжигали владелицу этого поместья слепую графиню Ольбрыхскую. Огонь лавинно извергался из недр этой возвышенности, словно из жерла вулкана, угрожая затопить и выжечь все пространство вокруг расплавленного конуса.

«Неужели мир перевернулся?! – с ужасом пыталась объяснить это явление Власта. – Тут уже не просто течение реки – само время повернуло вспять... – отливались в какую-то, еще не совсем созревшую, ясную мысль непонятно кем навеянные слова. – Какие-то злые силы заставляют меня вновь переживать все события той страшной ночи. Кому и зачем это понадобилось? А, главное, во имя чего?»

Ответов не было. Ни на один из ее вопросов. Ни ответов, ни успокоения.

«Высшие силы снисходят до нас не для того, чтобы удовлетворять наше любопытство, а чтобы возбуждать его в нас, ошарашивая и потрясая», – обронила как-то Ольгица одну из своих странных «поучительных фраз». Кажется, она была права: они снисходят не для того, чтобы...

Садовая аллея как бы растворялась в сплаве темени и огня. Приблизившись к вершине Сатанинского холма, Власта теперь уже отчетливо различала подвешенный к столбам гроб Ольгицы и даже стоящих рядом людей. Все выглядело, как в ту ночь, когда огонь сжигал тело слепой пророчицы, вознося в потусторонний мир ее нетленный дух.

«Это какое-то наваждение. Мне страшно. Почему ты зовешь меня, Ольгица?! Что произошло? Разве я нарушила какую-то твою заповедь или какой-то из канонов Высших Сил? Поступила не так, как должна была?»

Власта обращала эти слова именно к Ольгице, к ее духу и праху. Но кто отвечал ей – понять не могла.

«Эта ночь и этот костер всего лишь напоминание».

«Напоминание о чем?»

«Ты не должна забывать, что ниспослана на землю Высшими Силами. И цель твоя – нести волю Высших Сил».

«Разве мне известна воля Высших Сил? В чем она заключена и каким образом проявляется? В чем их смысл?»

«Высший смысл воли этих сил заключается в том, чтобы спасти людей от ими же творимого зла».

«Но разве я не помню об этом? Хотя да... Я слишком упорно и настойчиво ждала рождения дочери. Настолько, что вся была поглощена ожиданием и страхом».

«Высшие Силы спасли тебя и твою дочь», – услышала она, уже поднимаясь на вершину Сатанинского холма.

Теперь Власта не сомневалась, что голос принадлежит Ольгице. Он ничуть не изменился, остался таким же суховато-вежливым, каким знала его при жизни графини. Заслышав его, Власта тут же попыталась возродить в памяти ее лицо, но черты его почему-то искажались и рассеивались, все время ускользая от ее восприятия.

– Они спасли нас, да, и я всегда буду признательна им. Но хотела бы знать, останутся они столь же милостивыми в отношении Гяура.

Затянувшееся молчание Ольгицы насторожило молодую графиню.

– Что с Гяуром? С князем что? – с тревогой спросила Власта. – Почему ты молчишь, Ольгица? Ты ведь все знаешь, точнее, должна знать.

– Гяура мы тоже спасем, – кротко пообещал голос из потустороннего мира.

– Если его нужно спасать, значит, он в беде, в опасности?

– Он – воин, а воин всегда пребывает в опасности.

– Где он и что с ним?

– Все женщины одинаковы: они ежеминутно стремятся знать, «где он и что с ним».

– Что в этом странного или недостойного?

Власте показалось, что Ольгица по-матерински снисходительно улыбнулась.

– Порой никакие Высшие Силы не способны уследить за тем, что происходит в котле сражения, кого и как следует спасать. Где завершается та стадия бытия, в пределах которой воина способен спасти только ангел-хранитель, по-земному именуемый «чудом». А где человек обязан сам позаботиться о собственном спасении, поскольку это в его силах, не полагаясь при этом ни на чудо, ни на случай, а только на свой опыт, свою силу воли и любовь к жизни. Одним могу тебя утешить: по линиям судьбы, судное время твоего князя еще не настало.

– Оно не настало. В отношении Гяура оно еще не могло настать, – как заклинание, произносила Власта. – Это по земным и по небесным меркам было бы слишком несправедливо.

– Земное понимание справедливости редко совпадает с небесным. Однако высшей меркой всегда является небесное. Правильно, что ты думаешь о своем князе. Но самое время подумать о себе.

– Когда я думаю у судьбе князя, то о своей думать как-то не хочется. Слишком уж...

– На какое-то время ты должна будешь укрыться в замке «Грабов», – прервала его признание Ольгица.

– В замке... «Грабов»?! Что это за замок? – удивилась молодая графиня. – Где он находится и кому принадлежит?

– Ты всегда должна помнить, что этот замок находится в Польше и принадлежит Гяуру. Как произошло, что молодой князь, прибывший из далекой дунайской земли, оказался его владельцем, узнаешь позже, от него самого.

– Хорошо, я укрошу свое любопытство, – с готовностью откликнулась Власта.

– Но когда наступят страшные дни, ты обязательно должна укрыться за его стенами. Только за его, поскольку эта цитадель станет близкой тебе, а главное, потому, что война до него не докатится.

– Значит, все-таки война? Ты сказала «война»?! Ольгица, почему ты опять умолкла?

«Война», – выдохнула вершина Сатанинского холма вместе с высоким пламенем костра.

«Да-да, еще одна война!..» – эхом откликнулось звездное поднебесье.

«Польшу ждет большая, страшная война, которую она сама накликала на себя!» – громом содрогнулось все соединяющее небо с рекой пространство.

– Война... с кем? С кем Речи Посполитой предстоит воевать? Это очень важно. Насколько я понимаю, никто в Польше, вплоть до самого короля, пока что не догадывается, что ждет его страну.

– Попытаешься предупредить, представая перед поляками в виде пророчицы?

– Разве при варшавском дворе должны знать, когда и откуда, из какой земли следует ждать смертельной опасности?

– Там прекрасно знают, откуда исходит эта опасность.

– Знают? Странно. И ни королевские послы, ни заступники Польши в Высших Силах не способны заступиться за несчастный народ этой страны?

Ольгица помолчала, осмысливая то, что вынуждена была поведать своей земной наследнице.

– Не способны, поскольку опасность для самой страны исходит от ее же народа.

– Разве такое возможно?

– Так уж завещано было Создателем, что свершение судеб этого мира производится через воплощение воли Высших Сил в воле правителей, племен и целых народов.

16

Эту ночь Богдан Хмельницкий и его спутники провели в трех просторных землянках, обустроенных в сухом пологом склоне каменистой долины, подковой вклинивавшейся в окаймленное зарослями терновника озерцо. Обнесенный ровом и довольно высоким земляным валом, этот старый осиротевший зимник⁹, который казаки называли Велесовым хутором, представлял собой небольшую крепость с подземными ходами, с колодцем; с выложенной из камня, но достаточно глубоко врытой в землю конюшней, и даже со складом для продовольствия. Правда, на складе казаки обнаружили только кожаный мешочек с сухарями да несколько засушенных рыбин, но и этого было достаточно, чтобы прибывшийся на хутор путник мог слегка подкрепиться и передохнуть.

Добираться до зимника нужно было через целое сплетение оврагов и зарослей терновника, к тому же стоял он вдали от татарских и чумацких дорог, поэтому орды проходили мимо, даже не догадываясь о его существовании. Точно так же, как не догадывались о нем офицеры польского отряда, посланного наперерез беглецу из крепости Кодак¹⁰.

Однако Ордань дорогу сюда знал настолько хорошо, словно сам когда-то хозяйничал здесь. Он провел казаков в объезд, найдя подход к хуторку в лабиринте оврагов и кустарников, по руслу промерзшего ручейка.

Зимник Хмельницкому понравился. Благодаря валу и крепким дубовым воротам, которые казаки еще больше укрепили обнаруженными в пещере-кладовке гвоздями, а также переходному мостику, который на ночь и в случае опасности можно было убирать, Велесов хутор создавал иллюзию надежности и абсолютной защищенности.

– Послушай, Ордань, да это же не хутор, а настоящий форт, – молвил полковник, с явным удовольствием осматривая свои случайные владения.

– Один французский офицер, который, направляясь к Перекопу в сопровождении нескольких реестровых казаков, сбился с пути и случайно оказался здесь, так и назвал его в своем дневнике «Велес-фортом». Правда, тогда еще жив был его хозяин, старый казарлюга Ананий Велес, а значит, и порядка здесь было больше.

– Судя по всему, казак этот знал, где следует закладывать хутор и как его укреплять. Настоящим фортификатором был этот Велес.

– Хозяин он был справный, возражать не стану. Да только выбирали место и возводили эти валы задолго до него. Сам Велес утверждал, что когда-то, еще во времена княжеской Руси, на этом месте, в одной из пещер, находилось тайное капище язычников. Молва твердит, что после крещения Киева десяток семей ушли на лодках вниз по Днепру и основали здесь, на берегу небольшого озерца, некое подобие языческого скита.

– Вот оно что! – только теперь начинал понимать истинную ценность этого хутора полковник реестрового казачества. – И называли эти язычники свой скит по имени древнего бога русинского – Велеса.

– То есть название хутора происходит не от фамилии хуторянина Анания или его предков?! – удивленно вскинул брови полковник.

– Наоборот, прозвище этого рода происходит от названия хутора, точнее, от имени языческого божества.

⁹ Зимниками называли хутора, на которые часть сечевых казаков уходила зимой, поскольку там легче было пережить суровые морозы, прокормиться и подлечить раны. Как правило, эти зимники располагались неподалеку от Запорожской Сечи, чтобы, в случае приближения орды, «зимовальщики» могли быстро вернуться в Сечь.

¹⁰ Кодак – крепость, построенная поляками на Днепре, неподалеку от Сечи, по проекту французского инженера-фортификатора де Боплана, с целью укротить казачью вольницу.

– Вот как! Но со временем потомки скитников от поганства-язычества прадедовского, конечно, отошли?

– Да вроде бы отошли, тем более что скит их не раз становился прибежищем для всякого бродячего люда: беглых крестьян, бунтовщиков, возвращающихся из татарского плена казаков. А вроде бы и нет, поди знай. Одни называют Велесов язычниками, другие чернокнижниками, третьи – затаившимися от суда православной церкви волхвами. Что же касается пришлых, то еще недавно землянки их виднелись в ложбине по ту сторону озера. Наверное, есть они и сейчас, нужно будет сходить туда. К слову, среди этих пришлых, как говорят, случалось немало точно таких же волхвов-чернокнижников. Будто бы сходились они сюда в определенные дни со всех окрестных местечек, словно ведьмаки на шабаш. Впрочем, Господь им судья.

– Меня не чернокнижие хуторян интересует сейчас. Хотелось бы знать, почему хорошо защищенный, обеспеченный водой, рыбой и дичью зимник вдруг опустел?

– Года три назад два десятка казаков бежали из проходившего неподалеку татарского полона. По следу беглецов татары как раз и пришли к хутору. Но хуторяне встретили этих ордынцев, как велит казачий обычай. С ружьями да пистолетами против татар долго не повоюешь: пока ты свой мушкет перезарядишь, татарин успеет выпустить по тебе пять-шесть стрел. Но дело в том, что скитники всегда были хорошо вооружены и сами представляли неплохими лучниками и метателями копий. Жизнь заставляла: нужно было охотиться да от недругов отбиваться.

– Мне тоже не раз казалось, что мы слишком рано отреклись от луков, – согласился полковник. – Даже сейчас надо бы вооружать ими жителей всех пограничных селений, тогда татары несли бы значительные потери при набеге на любое из них. И не разгуливали бы по всей Украине, сгоняя пленников на степной Черный тракт как беззащитный скот.

– Вот и скитники наши, вооружив беглых ружьями, сами взялись за луки и пистолеты, и трое суток отбивались от двух сотен татар, пока не подоспела подмога из Сечи, за которой они по подземному ходу послали гонца. Подоспела, правда, поздно, из сорока защитников хутора к тому времени в живых оставалось пятеро. Сам Ананий был тяжело ранен, и двое сыновей унесли его вглубь подземелья. Вместе с ними отошли и двое уцелевших беглецов. Заметив отряд приближающихся запорожцев, татары, тоже потерявшие немало своих, бежали, но к тому времени хутор уже был основательно разграблен и порушен.

Хмельницкий удивленно осмотрелся.

– Правильно, – перехватил его взгляд Ордань, – не похоже, чтобы здесь господствовали татары. Да и зачем хранить память о них? Похоронив отца, сыновья восстановили землянки и только тогда ушли на Сечь, но пообещали вернуться сюда вместе с несколькими охочими, поскольку вдвоем тут долго не продержаться. Думаю, они должны прибыть сюда со дня на день. А пока что здесь коротают дни такие же странники, как и мы с вами.

– И все же не годится, чтобы такая благодатная местность без хозяйского присмотра оставалась.

Решив передохнуть в форте пару дней, полковник сразу же послал десятку спешенных, вооруженных пистолетами и копьями казаков в засаду, к крайнему со стороны Кодака оврагу. Еще одну десятку воинов оставил в верховой засаде, чуть в сторонке, при въезде в лабиринт, приказав стянуть морды коней кожаными намордниками. Но прежде чем последовали эти приказы, он велел всем взять припасенные в зимнике лопаты и подсыпать, подправить обводной вал.

Остальные казаки, по велению полковника, принялись собирать хворост и топить печи во всех трех землянках.

– Но ведь польский разъезд может обнаружить нас по дымам, – занервничал Ордань, который все еще считал себя проводником на Сечь, а значит, ответственным за судьбу сечевого пополнения. – Лучше подождать до ночи, когда дым не виден.

– Для того и дымим, чтобы поляки легко могли обнаружить наше пристанище.

– Зачем это? – непонимающе, и даже с легким подозрением, уставился на него Ордань.

– А ты что, решил, что мы прибыли сюда прятаться? Польский разъезд нужно истребить здесь, не теряя своих людей, чтобы дальше мы могли продвигаться спокойно. Коня и снаряжение, особенно доспехи поляков нам тоже не помешают. Мы же не на рыбалку сюда прибыли, а чтобы вытеснить поляков из земли Войска Запорожского.

– То есть мы уже воюем? – оживился Ордань.

– Уже, как видишь, – повел подбородком в сторону закрытых ворот полковник. – Готовимся к встрече с гостями.

С наступлением темноты Хмельницкий разъезды снял, оставив только небольшой заслон из четверых казаков, притаившихся на древнем кургане метрах в пятидесяти от озера. Остальным же велел отдыхать.

Но именно этот «курганный заслон» обнаружил на рассвете, что к форту приближается более двух десятков всадников, сопровождавших две крытые кибитки. Как оказалось, это возвращался на хутор тридцатилетний Федор Велес со своими «охочими». А в кибитках, между узлами со всевозможным крестьянским скарбом, дремали четыре девушки да все еще молодящаяся казачка-вдова. С этими людьми Федор и собирался возродить свой Велес-форт.

Спустя несколько дней с таким же обозом должен был прибыть и его младший брат Улас. Во всяком случае, Федор очень надеялся на это. Узнав, что в форте расположился целый отряд казаков, Велес обрадовался, рассчитывая, что хотя бы часть из них, опытных рубак, решит поселиться здесь. Слишком уж он опасался нового нападения – если не татар, то поляков из появившейся в этих краях крепости. Но в любом случае этот рослый, кряжистый хуторянин признателен был полковнику за то, что тот приказал своим воинам привести в порядок землянки, ворота и даже крепостной вал.

– Другие просто появляются здесь, дают отдых себе и коням и исчезают, – взволнованно проговорил он, одну за другой осматривая землянки, хозяйские постройки и пещеры, везде находя при этом следы заботливых рук.

– Я тоже вынужден буду уйти, потому что самое время появиться на Сечи, – ответил Хмельницкий, приглашая Федора в свою землянку, которую казаки уже окрестили «полковой канцелярией». – Но прежде чем мы покинем этот форт, нам с тобой нужно поговорить, поскольку есть о чем.

17

Очнувшись, Власта обнаружила, что сидит на высоком жертвенном камне, нависающем одним краем над речным водопадом. Никакого костра нет. Вообще никаких признаков того, что совсем недавно он полыхал рядом с ней. И это сразу же озадачило молодую графиню. Другое дело, что отсюда, с высоты холма, графиня видела, как где-то там, на правом берегу, за залитой луговым половодьем рощей, накаляется, словно бесформенная болванка в горне, восходящее солнце.

Поднимаясь с камня, Власта оперлась рукой о его край и с удивлением заметила, что он теплый, словно только-только начал остывать после дневной жары. Но еще больше удивилась, когда, ступив два шага в сторону от него, ощутила резкий холод, насквозь пронизывавший ее легкий шелковый пеньюар и босые ноги. Только сейчас она поняла, что, сидя на жертвеннике, пребывала в некоем замкнутом пространстве, ограждавшем ее от окружающего мира и создававшем свой особый микроклимат, особую ауру.

Мгновенно сообразив это, она вернулась к жертвеннику. Но... поздно. Сойдя с него, она тем самым разрушила ауру, представ перед обыденно-земным миром такой же незащищенной, как и все прочие смертные.

Спасаясь от холода, Власта бросилась бежать по щедро окропленному росой склону холма к аллее, ведущей к дому.

– Графиня! Боже мой, графиня! – поспешил ей навстречу управитель имения Вуек. – Как вы там оказались? Я обыскал весь дом, все поместье!

– Не требуйте от меня никаких объяснений! – прокричала Власта, едва выговаривая слова, настолько сильно дрожали губы и все ее тело.

Уже на аллее управитель перехватил ее, поднял на руки и понес в сторону дома. Графиня покорно приняла эту, почти отцовскую опеку о себе, поэтому не сопротивлялась и не противилась.

– Сколько раз я просил не ходить туда. Это же вас Ольгица сманивает.

– Вы правы, это была Ольгица. Но я рада встрече с ней, которую давно ждала.

– Напрасно радуетесь. Она сманивает, она же и погубит: затащит в реку, заставит броситься в водопад, живьем сжечь себя на этом проклятом жертвеннике. Да мало ли что способно взбрести в голову ведьме, давно обретшей приют на том свете, в подворотне у храма Сатаны?!

Власта безропотно выслушивала его возбужденное разглагольствование сквозь легкую упоительную дрему и сонно, благостно улыбалась. Вконец уставшая, продрогшая, она свернулась на богатырских руках управителя калачиком, и теперь ей казалось, что это ее уносит князь Гяур – ее странная, мучительная судьба.

– Вы только позвольте, графиня, и я буду закрывать вас в доме. Окна возьмем в решетки. Чтобы не только вы сами, но и никакая нечистая сила, прости и заступись, Господи, не смогла вырвать вас из этих стен.

– Позволяю приковывать меня цепью, Вуек, – полушутя-полусерьезно ответила Власта. – Только никому не отдавайте. Никогда и ни под каким предлогом.

– Было бы вами так приказано.

– Никому, кроме Гяура.

– Конечно же, кроме князя. Тут уж я и сам догадался бы.

На крыльце Власта пришла в себя и легко соскользнула с онемевших рук управителя. Но едва она открыла дверь, как послышался стук копыт по проложенной к дому мостовой и храп лошадей.

– Эй, есть кто живой?! – разрезал утреннюю тишину хриплый бас. – Это имение графини Ольбрыхской?

– Да, это оно! – отозвался Вуек, неспешно идя к воротам.

Власта успела лишь обуть комнатные тапочки и укутаться в плед, а трое всадников уже въезжали в ворота и направлялись к крыльцу.

– Я – хорунжий Болевский, ясновельможная графиня, – представился один из них, не сходя с седла. – Мне приказано уведомить вас, что в соседней округе вспыхнуло восстание. Несколько тысяч крестьян и всякого мастерового быдла вооружились и движутся по этой дороге то ли на Львов, то ли в наши края.

– Вот вам и видение, – растерянно произнесла Власта.

– Что вы сказали?

– Это у меня претензии к Господу, а не к вам.

– Только на него и можем уповать.

– И это говорит офицер? Где же войска?

– Разве вы видели здесь когда-нибудь войска? Они все по границам да в Украине, – с трудом сдерживал гарцующего коня Болевский.

– Тогда оставайтесь сами и доблестно защищайте меня и мое имение.

– Но вы же видите, что у меня нет воинов! – изумленно напомнил ей хорунжий. – Не могу же я один противостоять толпе бунтовщиков!

– Не можете, согласна. Замечу, однако, что князь Гяур так не ответил бы, он остался бы, чтобы защитить. Впрочем, не обращайтесь на меня внимания, вы здесь человек случайный. Сколько вам понадобится времени, чтобы собрать свое воинство?

– Не знаю, графиня. Прошу прощения, но я всего лишь хорунжий. Возможно, нам и удастся собрать тысячу-другую вооруженных шляхтичей, но... если не завтра, так послезавтра восставшие будут здесь. И все равно вам придется оставлять имение, чтобы искать укрытия в городе или в ближайшем замке.

«На какое-то время ты должна будешь укрыться в замке Грабов», – неожиданно вспомнились ей слова Ольгицы, вещей смысл которых начал проявляться.

– Спасибо за уведомление, господин хорунжий. Но мы останемся здесь: что суждено, то суждено.

– Воля ваша, графиня. Но только вам-то как раз оставаться очень опасно. Вы – единственная титулованная аристократка на всю округу, а титулованных они очень не любят. К тому же ваша усадьба не охвачена даже обычной каменной оградой. Да и людей, способных защитить ваш дом, тоже, очевидно, нет. Ваши же крестьяне пойдут против вас – с вилами и косами... Так что подумайте.

– Мы подумаем, – неохотно заверила его Власта, давая понять, что намерена прекратить этот разговор.

Офицер сочувственно взглянул на нее и покачал головой. Хозяйка имения явно не понимала, какая опасность нависла над ней. Однако все, что он мог сделать для этой красавицы, он уже сделал.

– Честь имею, графиня Ольбрыхская. Нам пора.

18

Фрегат еще не успел коснуться причала, как десятки казаков и хорватских наемников уже начали оставлять его, прыгая на настил, а некоторые, наиболее горячие, прямо на борт соседнего корабля, на котором еще сражались воины из отряда Хозара.

На берегу залива Гяур едва сумел собрать свое воинство в небольшой отряд и повести прямо к резиденции коменданта, высившейся метрах в трехстах от южной оконечности бухты, на небольшой возвышенности. Как полковник и предполагал, генерал дон Кастильеро уже находился там и, под прикрытием двух десятков солдат, пытался если не наладить оборону города и порта, то хотя бы понять, что происходит. Что за бич Господний хлещет в эту ночь по Викингбергу.

– Князь, бери коня! Мы захватили конюшню! – объявил Хозар, само появление которого вселило в Гяура уверенность, что, по крайней мере, в эту ночь, в море их испанцы не сбросят.

– Видишь огни на холме?

– Вижу, князь.

– Мне нужен комендант! Обойди это здание и ударь с тыла! В мелкие стычки не вступать!

– О-дар!

– Справа, в заезжем дворе, засели испанцы! – Гяур с трудом узнал в пехотинце лейтенанта Асселя, командира роты французских мушкетеров.

Это были не королевские мушкетеры ¹¹, рекрутировали их в основном из Шампани, и, придавая роту отряду Гяура, генерал де Мовель не скрывал, что вояки из этих виноделов – солдаты из других провинций иронично называли их «винодавами», – никудышные. Однако полковник относился к ним с тем же уважением, с каким обычно относился ко всему остальному своему многонациональному солдатскому сборищу.

– Оставьте пятерых солдат, пусть обстреливают окна и держат засевших в страхе. Остальных – на штурм резиденции коменданта. Предоставляю вашим храбрецам редкую возможность отличиться.

– И они отличатся, ваша светлость! – заверил лейтенант, неуверенно галопируя рядом с Гяуром на неоседланном и явно некавалерийском коньке.

Генерал все же оказался прав: особой храбростью шампанские виноделы не блистали. Встретив упорное сопротивление отесненных к зданию испанских пехотинцев, они сразу же приостановили свое наступление, прячась за деревьями, у невысокой каменной ограды и за пристройками.

– С южной части города сюда отступает большой отряд испанцев, – доложил прибывший от Хозара вестовой. – Судя по всему, их теснит отряд Улича.

– Очень освежающая новость, гнев Перуна. Передай Хозару, пусть занимает оборону по ту сторону холма и сдерживает их. С комендантом мы сами разберемся.

Отдав это приказание, Гяур осмотрелся. Уже рассветало. Первые сполохи зари, едва пробивавшиеся где-то в восточной части городка, тянулись к пламени полыхавших в порту огромных костров. Гибнущие у причалов корабли салютовали ей взрывами своих артиллерийских погребов и орудийными выстрелами. Кто и по ком вел там огонь, установить уже было невозможно, однако полковник понял, что занятая сотником батарея умолкла оконча-

¹¹ Королевские мушкетеры являлись королевской гвардией, в задачу которой входила в основном охрана королевского дворца и членов королевской семьи.

тельно, и теперь оставалось надеяться, что вскоре отряд Гурана появится в городе, где оказался бы очень кстати.

– Эй, вы! – обратился князь к шампанцам, – прекратить пальбу по резиденции! Лейтенант! Лейтенант, гнев Перуна! Где ваш командир? – ухватил он за ворот подвернувшегося ему под руку худосочного солдата.

– Я здесь, господин полковник, – появился откуда-то из-за пристройки лейтенант Ассель. Круп его коня был рассечен саблей, однако мушкетер не собирался оставлять раненое животное, считая постыдным полагаться на свои изогнутые, истинно кавалеристские ноги.

– Берите десяток своих храбрецов – и за мной! Иначе мы застрянем здесь, как при осаде Ла-Рошели. Каждого, кто струсит, зарублю собственноручно.

– Понял, господин полковник!

Собрав возле себя четверых всадников и десяток пехотинцев, Гяур указал им на ближайшее окно.

– Зарядить мушкеты! Все готовы? Залп! А теперь за мной!

Взревев, словно раненый бык, он с копьем наперевес ринулся к дому, увлекая за собой лейтенанта и всех остальных, кто присоединился к нему. У самого окна конь его был смертельно ранен, однако прямо из стремени Гяур прыгнул на подоконник и, высадив остатки рамы, по телам убитых и раненых прорвался в соседний зал.

– Где комендант? – приставил он острие копья к горлу раненого кабальеро, осевшего на прогоревший, изорванный диван.

Тот едва заметным движением указал на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Тогда веди, – подтолкнул его к лестнице полковник. А когда тот повиновался, упрекнул: – Кстати, с такой раной еще вполне можно было сражаться.

Испанец вряд ли понял его. Зажав окровавленной рукой плечо, он довольно бойко зашагал на второй этаж.

Шедший им навстречу солдат не сумел разглядеть в утреннем сумраке, кто там на лестнице. Но как только он остановился и что-то спросил проводника, Гяур ответил ему ударом копье-меча в горло и, обгоняя плененного испанца, ринулся дальше. Вслед за ним поднимались еще несколько проникших вовнутрь швейцарских рейтар.

Часовой, стоявший у двери коменданта, вскинул ружье, но, прежде чем он пальнул, Гяур успел отпрянуть за колонну. Присев, он осадил кабальеро выстрелом из пистолета и так, не разгибаясь, на острие копья, внес в кабинет дона Кастильеро офицера, выскочившего из приемной на выстрелы.

– Вы комендант?! – прорычал он, копьем сметая со стола два канделябра со свечами.

– Я, сеньор, – едва слышно пролопотал генерал, отступая за спинку своего кресла. Лица Гяур разглядеть не мог, зато обратил внимание, что оставшаяся без плюмажа непомерно большая лысая голова коменданта отражала сумрачный свет зари, словно неудачно сработанный сельским кузнецом стальной шлем.

Обезоруживая Кастильеро, князь слышал, как на первом этаже и в соседних комнатах источали стоны и проклятия дерущиеся, но все, что там происходило, уже, казалось, не интересовало его.

– С этой минуты вы – мой пленник, – вышвырнул он в окно шпагу дона Кастильеро. – Если пожелаете сразиться со мной, предоставлю вам такую возможность в Дюнкерке. Не возражаете, гнев Перуна?

– Кто вы? – спросил генерал по-французски.

– Полковник Гяур. Не приходилось слышать?

– Тот самый, что еще недавно находился в плену у генерала д'Арбеля?

– У покойного генерала д'Арбея. Однако, пардон, – оглянулся князь на ворвавшегося в кабинет офицера-испанца, – воспоминаниями займемся потом.

Откуда взялся этот офицер и как он прорвался в кабинет – этого Гяур понять не мог. Но, встретив ударом копье-меча шпагу отважного испанца, князь с удивлением узнал в нем лейтенанта д'Эстиньо.

– Так это вы, Гяур, дьявол меня рассмеши?! – оцепенел лейтенант. И этого было достаточно, чтобы князь выбил из его руки шпагу и ударом ноги сбил с ног.

– Я ведь просил вас, лейтенант, не появляться больше на моем пути.

– Пощадите, полковник, – пятился лейтенант, скользя телом по паркету. – Я содержался здесь, в подвале, под охраной. Меня чуть не казнили.

– Это правда? – рывкнул Гяур, обращаясь к генералу.

– Правда, – ответил тот. Сейчас в его руке была чужая шпага.

– Я согласен сражаться в вашем полку, князь, – решил использовать свой последний шанс д'Эстиньо. – Можете не сомневаться, я ни при каких обстоятельствах не предаю вас.

– Слово офицера и дворянина?

– Клянусь честью моего рода.

– Тогда какого черта вы ползаете по полу? Придется поверить, дьявол меня рассмеши, – согласился Гяур.

– И ни разу не пожалеете об этом.

– Странно как-то сводит нас злой рок на земных и морских дорогах, лейтенант, – проговорил князь, подавая лейтенанту руку и помогая ему подняться. – Какая бы пророчица разъяснила, к чему это?

* * *

Генерал Кастильеро наблюдал сцену примирения двух врагов, вобрав голову в плечи и опершись руками о стол. Он как-то сразу потускнел и угас. Он прекрасно помнил, что арест лейтенанта д'Эстиньо на его совести. Как и обвинение во всех грехах, какие только можно было выдвинуть против него: от гибели эскадры командора дона Морано до загадочного убийства своего предшественника, генерала д'Арбея, таинственность которого ему приказал развеять сам король. В этой ситуации срочно нужен был смертник, обреченный на избиение камнями. И он нашелся – в лице лейтенанта д'Эстиньо.

– Поскольку вы поклялись честью своего рода, лейтенант, я отплачу прощением всей той подлости, которую вы совершили в отношении меня.

– Запомню вашу доброту, князь. Лучше сражаться рядом с вами, чем погибнуть на виселице по приговору этого негодяя, – указал д'Эстиньо на коменданта. И, подхватив шпагу, бросился к нему.

– Враг – там, – копьем преградил ему путь Гяур. – За этой дверью. Здесь только пленный.

– Слушаюсь, сеньор полковник.

Прихватив генерала, они спустились на первый этаж. В эту минуту дверь распахнулась, и в проеме возник Хозар.

– Князь, испанцы! Около двух сотен. Они откатываются под натиском полка Улича.

– Прикажи всем своим казакам войти в здание. Забаррикадируйте окна и двери.

– Бессмысленно. Нужно отходить.

– В таком случае Уличу вновь придется штурмовать резиденцию коменданта. А пока мы будем здесь, мы задержим испанцев и, при подходе рейтар Улича, ударим с двух сторон.

– Подчиняюсь приказу, полковник, – довольно неохотно согласился Хозар.

– Но у тебя будет другое задание, – остановил его Гяур. – Ты берешь пленного коменданта и с двумя десятками своих воинов доставляешь его на корабль. Причем отвечаешь за него головой.

– Головой я отвечаю только за тебя, князь. Перед Тайным советом Острова Русов, перед всем нашим племенем. Однако я подчиняюсь.

Он метнулся к генералу и, схватив его за предплечье, буквально стащил вниз.

– Потихе, он все же генерал, – попытался урезонить его князь, однако Хозару было не до этикета.

Выбравшись вместе с Кастильеро через выходящее в сторону моря окно, он схватил двух коней, заставил генерала сесть на одного из них и, не взяв с собой солдат, ускакал вместе с пленником в сторону порта.

19

Одного взгляда Федора было достаточно, чтобы вдова, которую звали Дариной, метнулась к кибитке и, едва полковник и хуторянин успели присесть за столом, как там появились кувшин со сливовицей, сало, куски вяленой конины, хлеб и прочая снедь.

– Почему не одна из тех, что помоложе. – перехватил полковник плотоядный взгляд Федора, которым тот провожал широкобедрую молодку, поспешившую оставить их одних.

– Те, что моложе, пока что существуют для утех, а эта – для самой жизни нашей чумацкой, – проговорил Велес, наливая сливовой самогонки в небольшие глиняные чашечки, выставленные, как выразилась Дарина, под «трезвый казачий разговор». – Особенно такой трудной жизни, какая ожидает ее здесь.

– Казачка?

– От деда-прадеда. Дочь и жена сотника. Из зажиточных. Да что там... В ноги ей надо бы поклониться, что подалась за мной в эту невидаль, посреди самого Дикого поля, хотя в селе женихов у нее хватало. А тут, на такую вот скитскую жизнь решиться, – осмотрелся вокруг себя.

– Еще накланяешься, будет время. Но, в общем-то, разумно, разумно, – признал Хмельницкий. – Вот как раз об этой самой скитской жизни мы сейчас и поговорим.

– Поговорим, отчего же не поговорить?

– Ты почему вернулся сюда, на хутор, казак?

– Отец завещал хранить этот скит-капище. Точно так же, как когда-то завещано было оставаться хранителем ему самому. Места здесь святые, потому как молитвами многих поколений русичей освящены. Я ведь в свое время окончил церковно-приходскую школу, а затем семинарию, мог остаться в Черкассах или податься в Киев, однако потянуло сюда...

Как водится, сначала они выпили за казачество, за Великий Луг ¹² и неистребимую спасительницу народную Запорожскую Сечь, и потом уже генеральный писарь украинского реестрового казачества откровенно поведал казаку-хуторянину, что намерен поднять все сечевое, запорожское низовое, городовое, реестровое и нереестровое, а также надворное казачество ¹³; крестьян и ремесленников, словом, всех, кто готов восстать за вольницу казацкую, за православную веру, за правду и справедливость, за право, изгнав чужестранцев, стать хозяевами на своей земле.

Никакой особой реакции признание это у казака-хуторянина не вызвало. Федор встретил его молча. Однако, уважая его глубокомысленное молчание, генеральный писарь с ответом не торопил. Хмельницкий прекрасно понимал, в чем заключался смысл молчания этого рослого, сильного человека.

Велес прекрасно знал, что само казачество было сотворено на волне бунта и существовало от бунта к бунту, от одного упорного кровавого восстания – к другому, еще более упорному и кровавому. Кобылица, Косинский, Муха, Подкова, Наливайко, Сулима, Гуня, Остря-

¹² Великим Лугом казаки называли плавнево-лесные, испещренные островками, приднепровские долины, которые давали приют основателям Запорожской Сечи. Эти бесконечные луга украинцы объединяли под уважительным наименованием Отец Великий Луг, притом что «матерью» объявлялась Сечь Запорожская.

¹³ Сечевые запорожские казаки большую часть своей жизни проводили на Сечи, где несли гарнизонную службу. Как и монахи, они принимали обет безбрачия и не могли иметь ни дома, ни семьи. Просто запорожские казаки – те, что оседло жили на огромной территории Земли Войска Запорожского, в своеобразной казачьей республике. Городовыми назывались казаки, которые семьями жили в украинских городах и деревнях. Реестровыми были казаки, которые входили в королевский (или гетманский) реестр и служили польскому правительству, получая одежду, оружие и денежное довольствие. Надворными именовались наемные казаки, которые служили при дворе магнатов, охраняя владения благодетеля.

ница, Павлюк...¹⁴ Сколько их уже было и еще будет – решительных, уверенных в себе, презревших страх и презиравших врагов своих...

Однако чем завершались все их восстания? Гибелью цвета народного, кровавой резней, пожарищами и... виселицами, виселицами, виселицами... Ну, еще плахами да колами на городских площадях. Но разве неудачи предшественников когда-либо служили предостережением для новых вождей и местных вожаков? Разве кто-либо, кроме самого господя, способен установить, когда завершится череда неудач и наконец-то появится тот, кого со временем народ украинский назовет своим Моисеем, способным вывести его из рабства? Да только Господь, похоже, в игрища эти кровавые уже давно не вмешивается. Устал, что ли?

– Даже на моей памяти, в ските нашем не раз появлялись такие же люди, как вы. Они приходили сюда с теми же помыслами и с тем же гонором. Но никогда еще ни отец, ни я не верили, что эти люди способны поднять все казачество, весь народ и разгромить поляков.

– Почему же не верили? – подался к нему через стол Хмельницкий. – Что порождало ваши сомнения?

– Неужели так важно знать почему?

– Ты сказал, что они приходили с теми же помыслами и с тем же гонором, что и я. Хотелось бы знать, какими и с чем оставляли хутор. Если их замыслы порождали недоверие у вас, значит, могли порождать у многих других. Ты ведь человек, грамоте обученный, должен соображать, на какое великое дело мы с тобой идем.

Федор понимающе улыбнулся. Это правда: казаки, а тем более – крестьяне и ремесленники, не каждому доверятся, не за каждым пойдут, против могущества польского восставая... Ну, а на то, что полковник легкомысленно пристегнул его к своей повстанческой упряжке, Велес пока что попытался внимания не обращать.

– Даже трудно объяснить, почему мы так воспринимали этих людей.

– И все же. Что в словах, в действиях, в самом облике этих людей выглядело не так? Не уходи от ответа. Думай, попытайся вычеканить свои впечатления простыми, смертными словами.

– Да вели они себя как-то... – поморщился Скидан. Судя по всему, он действительно не готов был к подобному разговору.

– Что? Что... не так? – еще жестче поинтересовался Хмельницкий, и даже слегка приложился к столу кулаком, словно речь уже напрямую шла о сомнениях, которые порождает лично он.

– Не того полета они были, – блеснул угольями своих черных колдовских глаз хуторянин. – Не с тем военным и житейским опытом, не с той славой казачьей в атаманы да гетманы подавались. Сразу становилось ясно: ну, соберет сотню-другую отчаюг, ну, погуляет, поатаманствует где-нибудь в окрестностях Бара, Черкасс или Брацлава, пока не встретится с первым же попавшимся на его пути полком польских гусар или германских наемников. А дальше все предрешиено: уцелевшие бунтовщики разбегутся, а его самого поведут на виселицу или на кол. Это уж как польским магнатам возжелается. Нет, не верили мы им. Тем более что среди пришлых попадались обычные грабители, всякие беглые висельники, которые пытались выдавать себя за повстанцев.

– Хочешь сказать, что ты, лично ты, таких людей сразу же выявляешь? Что чуешь их каким-то своим особым чутьем?

¹⁴ Здесь названы реальные имена руководителей некоторых казацко-крестьянских восстаний, происходивших в Украине до украинско-польской войны под началом Б. Хмельницкого (1648–1654).

20

Замок «Гяур» готовился к осаде. Разведчики, которых каждый день посылал в сторону Подкарпатья управитель замка Ярлгсон, доносили, что отряды восставших подступают все ближе и ближе. Беженцы, с которыми им приходилось встречаться, рассказывали, что гайдуки ведут себя как монгольская орда или заморские варвары: разоряют имения, насилуют, осаждают и берут измором небольшие укрепленные замки.

Швед Ярлгсон выслушивал все это с норманнским спокойствием, но после каждого донесения еще раз обходил оборонные стены и башни «Гяура», осматривал ворота и четыре имевшиеся на крепостных стенах старинные орудия. Предчувствуя, что рано или поздно под стенами замка разгорятся бои, он сразу же после отъезда полковника взялся за восстановление древнего княжеского гнезда. Но тогда трудно было найти свободные мастеровые руки. Да и местные крестьяне вечно заняты – в поле, в лесу, на пастбищах. Тем более что руки их куда охотнее тянулись к дереву, нежели к камню.

Теперь же, спасаясь от погибельного нашествия повстанцев, к замку сбегались не только окрестные дворяне, но и ремесленники и даже зажиточные крестьяне. И никого не нужно было принуждать к работе.

Побаиваясь, как бы восстание не переросло в настоящую войну, они сами вызывались замуровывать пробоины в стенах и очищать обводной ров; сами смастерили из мощных колод надежный подъемный мост, цепи к которому вот-вот должны были привезти из двух ближайших кузниц. Всем хотелось, чтобы под стенами грабовского замка эта гайдуцкая чума наконец-то выдохлась.

Еще больше вооруженных шляхтичей потянулось к замку, когда по окрестным поместьям разнеслась весть, что в Грабово прибыли сорок солдат во главе с хорунжим Болевским, которые привезли с собой пять фальконетов. И что появились они по приказу графа Кржижевского, переданного хорунжему от имени королевы.

Сорок солдат – это уже был целый гарнизон. Появляясь в Грабове, шляхтичи останавливались под стенами «Гяура», постепенно выстраивая на подступах к замку укрепленный повозочно-земляной лагерь, защищать который должна будет их вооруженная челядь.

Но как бы ни был Ярлгсон занят укреплением замка, время от времени он посылал к ближайшей, краковской, дороге разъезд. Дело в том, что, появившись в замке, хорунжий Болевский не только вручил ему письменный приказ об обязательной защите замка, но и приказ о том, чтобы гарнизон доставил в «Гяур» графиню Власту Ольбрыхскую, а также предпринял все возможное для защиты ее и дочери.

– Дочь-то у нее хоть красивая? – поинтересовался Ярлгсон. Он до сих пор оставался неженатым, а Власта Ольбрыхская представлялась ему женщиной в возрасте, имеющей дочь на выданье.

– Не видел, но говорят, божественно хороша собой, – поцеловал пучки своих пальцев Болевский.

– Сколько же ей лет?

– Уже два месяца, – рассмеялся хорунжий.

– Вот оно что! – кисло-сладко ухмыльнулся Ярлгсон.

– Не слишком ли ранняя невеста? – не упустил своего шанса хорунжий. – Или считаете, что уже на приданом засиделась?

– А почему именно мы должны спасать эту графиню? Там, где находится ее поместье, наверняка есть свои замки.

– Приказано доставить сюда. Пусть даже силой. И охранять, – приземистый, краснощекий добряк Болевский мгновенно преобразался, как только речь заходила о выполнении

солдатского долга. Появившись в «Гяуре», он сразу же принял на себя командование всем вооруженным людом, обитавшим по обе стороны стены, и дал понять, что приказ для него – жизнь и честь.

Ярлгсон спорить не стал. В тот же день он послал за графиней Джафара, Гуту, Орчика и еще троих вооруженных всадников с каретой и экипажем, в который можно было бы положить дорожные вещи графини. С того времени прошло четверо суток, и, по расчетам людей, знавших эти края лучше него, гонцы уже должны были вернуться. Но их все не было и не было.

Примчавшийся под утро старший одного из дальних разъездов сообщил, что повстанцы появились у деревни Свынче, находящейся в семи верстах от Грабова. Эта весть привела обитателей замка в уныние. Но в то же время, поспешил утешить их дозорный, пошел слух, что на подавление восстания со стороны Львова выступил полк улан.

– А графиня Ольбрыхская? – вырвалось у Ярлгсона. – Почему вы ни слова не говорите о графине?

– Графине, судя по всему, к стенам замка уже не пробиться.

– Почему это?

– К вечеру повстанцы наверняка перережут путь, соединяющий Грабов с краковской дорогой.

– И что же тогда?

Дозорный красноречиво пожал плечами.

Управитель замка оглянулся на стоявшего рядом хорунжего. В конце концов, это он доставил приказ во что бы то ни стало укрыть в замке некую графиню, о которой Ярлгсон и слухом не слыхал. Но офицер тоже демонстративно пожал плечами.

– Графиня не могла не знать о бунте, поэтому сама обязана была позаботиться о своей безопасности, – проворчал он, и с вызывающим спокойствием уставился на шведа.

– Нам нужно посоветаться, господин офицер, – тронул его за локоть Ярлгсон.

– Хотите посвятить меня в свой план разгрома повстанцев? – с некоторой долей иронии поинтересовался Болевский.

– А почему вы считаете, что у меня его не может быть? – с достоинством возразил швед. – Я ведь тоже немного пожил на этом свете, повоевал, а главное, знаю нравы местных холопов.

– Вам, чужеземцу, их лучше знать, чем нам, полякам, – с той же долей иронии согласился хорунжий.

– Сейчас не время устраивать словесные турниры, господин хорунжий, – как можно вежливее, но все же довольно жестко осадил его швед. – К тому же обязан напомнить, что вы находитесь в замке князя Одара-Гяура, управителем, а значит, и военным комендантом которого велено быть мне.

К чести Болевского, он не стал обострять отношения с комендантом, а лишь недовольно побряхтел, сдерживая свой гонор.

– Наверное, в самом деле не время. Так о каком плане спасения замка вы намеревались поведать, господин комендант?

– О самом плане – чуть позже. Пока мы здесь будем совещаться, прикажите одному из своих сержантов взять пятерых солдат и, вместе с разъездом этого молодца, отправиться к краковской дороге. Если учесть, что в эскorte графини будет еще как минимум пятеро вооруженных людей, думаю, вместе они смогут пробиться к замку.

– Мои солдаты мне и здесь пригодятся, – проворчал хорунжий.

– Не сомневаюсь. Но куда больше они пригодятся нам за стенами замка.

– Не советую говорить со мной намеками, – отрубил хорунжий. – Извольте высказываться четко и ясно. Что вы имеете в виду? Что эти пятеро солдат способны будут дать бой повстанческой ватаге там, за стенами?

– Так оно все и произойдет. Если только высокое дворянское собрание согласится принять мой план обороны замка, – уточнил швед. – А оно должно принять его.

– Какое еще дворянское собрание? Откуда ему здесь взяться?

– Разве в замке и там, в лагере беженцев, уже нет дворян? Вот мы их и соберем, чтобы посоветоваться.

– Не возражаю, давайте соберем. Хотя ума не приложу, что эти перепуганные беженцы способны предложить такого, чтобы можно было уверовать в спасение замка.

21

Федор наполнил чашки сливовицей, они выпили за всех, кто все еще верит в казацкую славу и казачье счастье, и несколько минут молчаливо закусывали всем тем, что оказалось на их щедро накрытом столе.

– Наверное, у моего отца это получалось лучше, потому что он сразу же определял, кто действительно намерен поднимать восстание, а кто лишь прикрывался славой бунтарских атаманов. Но у меня тоже чутье такое появляться стало. Не окрепло оно пока еще. Вам бы к провидице какой-нибудь податься.

«К слепой графине-ведьме Ольгице или к дочери ее Власте... – тотчас же вспомнились полковнику рассказы об этих странных женщинах. – Да только где их теперь искать, католичек этих, обедневших польских аристократок? А ведь они могли бы заглянуть в твое будущее, в будущее твоего восстания. Вдруг там все настолько мрачно и безысходно, что даже нет смысла разжигать это адское кострище?»

Но единственным человеком, который мог бы подсказать сейчас полковнику, где именно искать провидиц, был князь Гяур, который все еще пребывал во Франции, если только до сего дня сумел уцелеть в боях. К тому же мало услышать, что будет вещать гадалка, важно убедить себя, что так оно в действительности случится.

«А кто тебе сказал, – спросил себя Хмельницкий, – что твои предшественники-атаманы не обращались к ведуньям? Почему же они все-таки поднимали свои восстания, почему прибегали к бунтам? Провидицы оказывались «незрячими» или же бунтари отказывались верить им?»

– Сам податься в атаманы не пробовал?

На какое-то мгновение глаза Велеса вспыхнули черными лучиками, но тут же угасли.

«Пробовал, – тут же уличил его полковник. – Конечно же, пробовал! И по силе, по фактуре Велеса, даже по прозвищу атаманство ему подошло бы. Голову на отсечение, что мысль такая возникала. Хотелось бы знать, почему не рискнул? Разве что дано ему было знать, что не его это стезя, ибо «не суждено? Знак, знамение такое снизошло ему?» – размышлял полковник.

– Отец бунтарства моего не признавал. Тут же охлаждал меня – если не словом, то хлыстом. Он всегда считал, что нам суждено пребывать хранителями скит-капища предков. Всего лишь безвестными хранителями.

– А значит, до конца дней своих оставаться язычниками?

Федор замялся. Еще никто и никогда не задавал ему подобного вопроса. Кто он в самом деле – язычник, православный или просто степной безбожник, в отшельничество впавший?

– Самому себе на этот вопрос я ответил бы так: Велесы – это люди, которые крестом христианским осеняют все, что их окружает – озеро, камень, реку, вербу на берегу Днепра, птицу в небе. Причем так мыслим и так ведем себя не только мы, скитники-хуторяне велесовы. Наверное, все мы, славяне, так и остались язычниками во Христе и христианами во язычестве. Сколько бы поколений наших ни выкрещивалось, однако идолы наши языческие так и не отпускают нас на духовные пастбища иудейско-христианские.

– Складно слово к слову прикладываешь, складно...

– Если бы еще и мудро.

– Значит, таков твой ответ, – разочарованно как-то произнес полковник. Однако Федор уловил, что разочарованность эта порождена была не религиозными чаяниями велесовых скитников, а чем-то другим, личным.

– Но вы так и не спросили о том, о чем хотели спросить, – едва заметно улыбнулся скитник. Его приветливая улыбочка сразу же бросалась в глаза и не могла не вызывать симпатии.

– О чем же? – у Хмельницкого с улыбкой никогда не получалось. Явно сказывались не только черты характера, но и воспитание истинно иезуитское.

Не зря же всем бросалось в глаза, что даже в минуты великой радости или столь же великого гнева лицо его оставалось непроницаемым.

– Верю ли я теперь уже в вашу повстанческую звезду.

– Вот как? Не спросил пока что о главном? Тогда спрашиваю: веришь ли ты в мою звезду, степной отшельник?

На сей раз Велес буквально прожег его взглядом, в котором явственно улавливалась некая гипнотическая сила. Причем она была таковой, что на какое-то время полковник оказался лишенным осознания самого себя, он словно бы выпал из той реальности, в которой вынужден пребывать.

– Некоторым атаманам отец предсказывал очень скорую гибель на виселице или от секиры палача, – словно бы откуда-то из небытия донесся до полковника голос Велеса. – Но странно, что это их не останавливало.

– Не верили в предсказание?

– Может, и верили. Скорее всего, верили. Но не в этом таинство их восхождения на плаху, не в этом. Славу, которую будут творить им народная молва и лирники, они оценивали и почитали выше, нежели презренную жизнь свою.

Вот оно! – тут же подхватил его слова полковник. – Когда ты рассуждал о том, что движет вожаками бунтарей, то завис между двумя понятиями: верят или не верят они в свою атаманскую, повстанческую судьбу. Забыв при этом, что многими движет не стремление сломить врага, а желание развеять туман собственного забвения. Как, однако, все до жестокости, до безумия просто!

– Воинство у вас, полковник, пока еще не из тех, с которым можно выступать против польских улан или крылатых гусар. Один, которого Клинкачом кличут, вилами вооружен, другой, Довбня, – куском оглобли, третий, тот, что покрепче остальных...

– А, Савур...

– Хоть и разжился саблей, но с обломанным острием.

– Сабля ему после Мамаева побоища досталась, это верно. Но ты посмотри, какой казак. А саблю, пистоль и все прочее он себе еще добудет.

– С таким воинством поднимать восстание против польской армии, наверное, самой сильной в Европе, способен или самоубийца или человек, который слишком уж уверовал в своего небесного покровителя.

– Какое у меня сейчас воинство, я знаю, – сухо осадил Велеса полковник. – Как знаю и то, что из многих тысяч точно таких же, судьбой и панами гонимых, мне еще только предстоит сотворить настоящую казачью армию. Но ты не об этом говори сейчас.

– О чем же?

– Взялся быть провидцем, так будь им.

Велес иронично хмыкнул, несколькими глотками опустошил свою чашку и долго, задумчиво жевал кусок вяленой конины. И вновь Хмельницкий не торопил его, он терпеливо ждал.

– Одно могу сказать, – в конце концов заговорил Велес: – вы, полковник, идете на этот бунт не ради славы, которая вам тоже не чужда, – вопросительно взглянул хуторянин на полковника.

– А почему она должна быть чуждой мне? – спокойно парировал тот. – Еще в старину рыцари говаривали: «Кому нужны подвиги, о которых никто не способен узнать?». Конечно,

порой действуешь исходя исключительно из мести, из гордыни, из понятия чести или взбунтовавшегося честолюбия, но... слава есть слава.

– Вас, шляхтич Хмельницкий, ведет еще более жестокий поводырь – жажда мести. Не столько за народное поругание, сколько за поругание собственной чести. Только собственной чести. Причем проклятие ваше в том и будет заключаться, что, гонимые этой местью, вы все-таки победите Речь Посполитую.

– Значит, все-таки сумею победить? – подался к провидцу полковник.

– Только не принесет эта победа облегчения ни вам, ни народу нашему. Добыть победу вы сумеете, но не сумеете разумно распорядиться ею. В этом будем самая страшная трагедия бытия вашего.

– Распорядиться, говоришь, не сумею?

– Как раз тогда, когда народ станет молиться на вас как на спасителя и сам поднесет вам корону, вы от нее откажетесь. Когда вселенский патриарх будет готов принять вас как творца новой православной державы, вы поклонитесь в ноги чужеземному правителю, – голос Велеса становился все тверже и жестче. Это уже был голос не хуторянина, а провидца, не только способного предугадывать события, но и позволяющего себе осуждать за них.

– Ты о чем это говоришь сейчас, казак? – мрачно попытался остепенить его Хмельницкий. – Почему ты решил, что, разгромив польскую армию, я не способен буду провозгласить себя правителем новой христианской державы, не способен буду возродить великое княжество русичей?

– Не я так решил, полковник. Так решили небеса. Не я пишу книгу судьбы людской. Мне, недостойному, всего лишь время от времени позволено листать ее страницы.

– И все же, почему так произойдет?

– Наверное, потому, что вы, тогда уже гетман, вождь повстанцев, опуститесь на колени, когда, поверив вам, народ украинский попытается с этих самых колен подняться.

22

Пока хорунжий формировал небольшой отряд, который должен был спасать графиню, швед встречал приглашенных дворян. Каждого из них Ярлгсон сразу же отводил в сторону «на три слова». Переговоры были нелегкими: кто-то наотрез отказывался принимать план коменданта, кто-то вслух и горячо взвешивал все за и против. Наконец были такие, кто сразу же восклицал: «Не слишком ли большую цену мне приходится платить ради усмирения этих смердов, которое является нашим общим делом?» или что-то в этом роде. И шведу приходилось проявлять всю его нордическую выдержку, чтобы кого-то из них убедить, а кого-то даже припугнуть, интересуясь, не входит ли в эту «большую цену» стоимость веревки, на которой вскоре будут вешать этого скрягу бунтовщики?

— Господа, — сурово молвил он собравшимся, когда терпение его было на исходе, — видно, слишком давно все мы с вами становились свидетелями кровавых бунтов, если ведем себя таким образом. Следует полагать, мы попросту забыли, что такое вооруженная и разъяренная толпа, которая врывается к вам в дом с желанием все, чем можно поживиться, изъять, а все, что нельзя унести, сжечь. И не надо вступать со мной в спор. Правоту моих слов поймете, только когда увидите перед собой пять сотен пьяных, озверевших мужиков, вооруженных вилами, косами и факелами, к которым неминуемо станут присоединяться и ваши собственные крестьяне.

Увидев, как приумолкли шляхтичи и как посуровели их лица, Ярлгсон втайне даже возгордился собой, поскольку подобного красноречия от себя не ожидал. Но главное заключалось в том, что за его словами скрывалась суровая реальность.

Как бы там ни было, когда офицер вернулся, управитель уже готов был объявить их общую волю. Она состояла в том, что Болевский брал два десятка солдат и еще с полсотни ополченцев и отправлялся в деревню Грабов, якобы для того, чтобы пиршествовать.

— Многие из дворян и лавочников прибыли сюда с повозками, набитыми всяческим добром и продовольствием, — объяснял Ярлгсон хорунжему, который пока что смотрел на него как на городского юродивого, совершенно не понимая, к чему он клонит.

— Ну, приезжают и что?

— И почти у каждого нашелся бочонок вина. Немало бочонков найдется и в самом Грабове.

— Допустим, найдется и что? Хотите собрать все это добро под стенами замка, чтобы откупиться от бунтовщиков?! Вынужден огорчить: ни черта у вас не получится.

— Не откупиться, а заманить этих живодеров в сладостную, хмельную ловушку.

— Именно так, именно так — заманить в ловушку, — поддержали коменданта два брата-шляхтича, принадлежащих к роду Калиновских. Им обоим уже было под шестьдесят, но каким-то образом они умудрились состариться, так и не приняв участия ни в одной войне, ни в одном карательном походе против повстанцев. Теперь они больше всех опасались за свою жизнь и имущество, поэтому от имени местного дворянства готовы были поддерживать любой план избавления от бунтарской нечисти. — Ради спокойствия Польши мы готовы пожертвовать чем угодно.

— Мы готовы, да... — напыщенно подтвердил предводитель местного дворянства адвокат Костельский. Этот не в меру располневший господин буквально утопал в собственных телесах, но при этом казался не грозным, а совершенно беспомощным, а потому благодушным. — Лично я воспринимаю события только так...

— Это вы готовы, но не я! — взорвался местный аптекарь. Болезненно-тощий, нервный и непомерно амбициозный, он вызывал у хорунжего какую-то особую антипатию. Впрочем, как и у коменданта замка. — Почему в схватку с грабителями должны вступать мы, мирные

подданные? Где войска?! Чем занимается жандармерия? Почему до сих пор не собрано ополчение, а староста бежал, бросив нас на произвол судьбы?! И сколько будет бездействовать наше дворянское собрание?

– Когда вас потащат к ветке, на которой уже болтается петля, вопросов у вас поубавится, – огрызнулся предводитель дворянства, считая ниже своего достоинства что-либо объяснять ему или вступать в полемику.

– Так вот, эти припасы решено положить на алтарь воинской славы защитников замка «Гяур», – продолжил изложение своего замысла комендант замка, тоже стараясь не обращать внимания на расшумевшегося аптекаря, одного из самых богатых людей местечка, – а точнее, на жертвенник короны, ради гибели бунтовщиков.

– Странное какое-то у вас получается жертвоприношение, – нервно передернул плечами Болевский. – Не лучше ли пожертвовать все это питье на нужды самих защитников замка, в том числе и моих солдат, что выглядело бы куда справедливее?

– Как раз это я и подразумеваю, – продолжал мудрить швед. – Во дворе местного господского имения будут накрыты столы. Вокруг них расположено два десятка бочек с вином. Да плюс графины с водкой. Словом, дворянство будет готовиться к пиршеству, считая, что повстанцев вблизи нет. А как только они появятся – шляхтичи вскочат в седла и уйдут в лес, оставив столы и бочки нетронутыми. Кстати, последними, уже на виду у повстанцев, оставлять едва начавшееся пиршество будут ваши солдаты.

– Что будет очень нелегко, – жадно заглотнул слюну офицер.

– Перед лицом врага мы должны проявлять мужество буквально во всем! – патетично воскликнул старший из братьев Ежи-Станислав Калиновский. – Но прежде всего – в умении жертвовать малым ради сохранения самого ценного.

– Перед лицом врага... Лично я считаю только так, – вскинул основательно полысевшую, слегка трясущуюся голову Костельский.

– Хорошо, мы позорно убежим, оставив этим висельникам столы, ломящиеся от вина и яств... – примирительно молвил хорунжий. – Что дальше?

– Под утро весь ваш отряд должен выйти из леса и напасть на пьянствующих повстанцев. Соединившись при этом с отрядом, который выйдет из замка.

С минуту все задумчиво переглядывались друг с другом, пытаясь выработать какое-то более или менее благоразумное толкование комендантского замысла.

– План столь же примитивный, сколь и гениальный, – задумчиво признал Болевский. – Только вряд ли он удастся. Повстанцев добрых пять сотен. К тому же неизвестно, клонет ли атаман на нашу приманку.

– Я понимаю: вам жаль всего того добра, что пропадет на столах, – сказал швед. – Конечно, оно пригодилось бы здесь, в осажденном замке. Но через все это мы уже прошли, переступив через собственную жадность. Насколько мне помнится, ни одного вашего, господин Болевский, бочонка среди выставленных для завлечения гайдуков не будет. Так что вас сдерживает?

– Тем более что будет лучше, если часть наших сил все-таки останется за стенами «Гяура», чтобы повстанцы чувствовали себя в постоянном напряжении, – поддержал его предводитель дворянства.

23

Хмельницкому явно не понравились слова провидца. С силой рванув саблю из ножен, он подержал ее на весу и вновь вернул на место. Ни одна жилка на лице хранителя языческого капища при этом не дрогнула.

– Саблю оставьте в покое, полковник. Если уж вы беретесь вершить судьбы целых народов, то должны быть готовыми воспринимать и то, как эти народы станут воспринимать вас.

– Не то говоришь, Велес, не то...

– Сказано уже, что не я пишу книгу судьбы вашей. Всего лишь заглядываю в нее. Ну а слава... Слава к вам, так или иначе, придет.

– Уж не хочешь ли ты отговорить меня от восстания, язычник?

– Даже если бы очень захотел, то не сумел бы, поскольку сие мне пока что не подвластно.

– Хочешь еще что-либо добавить? – спросил Хмельницкий таким тоном, словно позволял Велесу молвить последнее слово перед казнью.

– Хочу. Давно выяснил для себя: сатанизм нашего мира в том и заключается, что в исторической памяти народа всегда остаются те, кто хижины превращает в пожарища, а не те, кто на пожарищах стремится возвести хижины.

Хмельницкий откинулся так, чтобы припасть спиной к обшитой досками стенке хижины, и поиграл желваками.

– Тебе уже когда-то приходилось слышать обо мне, Велес?

– Я даже не знаю, кто вы, поскольку вы так и не представились.

– Узнать, кто я – будет нетрудно. Куда труднее будет заставить себя молчать. Но, видит бог, придется. Ты никогда больше не должен повторить то, что только что сказал обо мне. Беднота желает победы и мести. То и другое она получит. Как случится дальше – один бог ведает. После первых же своих побед я пожертвую на хутор столько, что ты сможешь отстроить и укрепить его как настоящую крепость. И людей принять, сколько прокорм местный позволит. И так будет после взятия каждого города, каждого дворца и замка.

Велес вновь прошелся по полковнику взглядом, словно раскаленным штырем, и выразительно кивнул:

– Верю, что так и будет.

– Озерцо небольшое, но, судя по всему, глубокое.

– В гранитном провале образовалось, причем бог знает когда. Как и скалистый остров Перуна посреди него.

– Потому и говорю: озеро хоть и небольшое, а все же для пешего и конного – преграда. Поэтому возведи на острове большую каменную башню, чтобы стояла там, как неприступная цитадель. Мастеров каменных я пришлю с первой же оказией, как только подвернутся под руку. Камня в округе много, на несколько башен хватит.

– Были бы люди, а камня вокруг – на удивление, – признал Велес. – Будто не посреди степи, а в горах живем.

– Поселение пришельцев, которое по ту сторону озера возникнет, тоже рвом и валом обведи. Обшей деревом и всячески облагородь несколько подземных схронов, где можно было бы отсиживаться, даже если татары или поляки ворвутся в форт. В том числе и на острове...

– Что потребуешь взамен, полковник?

– Чтобы мне всегда были рады в этом стойбище Перуна.

– И будут рады, конечно, будут. Однако же не все молвлено, – решительно повертел головой Федор.

– Дарю тебе чин сотника и назначаю комендантом этого укрепленного казачьего лагеря.

– Теперь мы должны будем считать это капище – «стойбище Перуна» – казачьим лагерьем?

– Чем вы станете считать свой хутор в душе – это ваше дело. Я же, ко всему прочему, – будущий гетман взглянул на дверь, из-за которой послышались шаги, и приглушил голос, – назначаю вас хранителем войсковой повстанческой казны, которая должна быть спрятана в одном из подземных тайников. Причем спрятана так... – потряс полковник перед собой кулаком, – чтобы никто и никогда...

– Вы готовы доверить казну человеку, которого впервые видите и которого совсем не знаете? – изумленно уставился на атамана Велес. Вот уж чего он никак не ожидал услышать за этим столом, так это разговора о сокровищах.

– Да, казны, которой пока еще не существует, но которая вскоре обязательно появится. А что касается нашего мимолетного знакомства, то разве на Сечи обнаружатся люди, с которыми я знаком ближе? И разве там хранить безопаснее?

– Значит, вы действительно намерены хранить награбленные, извините, добытые в боях сокровища здесь?

– Какую-то часть. Подумай, где и как спрятать его в здешних каменных подземельях. Причем схоронить надобно так, чтобы, кроме тебя и меня, ходу к нему никто не ведал. Ты понял меня, сотник?

– Но мне сказали, что в отряде ваш сын Тимош. Он в нашей «тайной вечере» не участвует.

– Вообще-то от сына у меня секретов нет. Но в этот, в тайну нашей казачьей казны, мы посвятим его позже. Значительно позже, когда придет время.

Велес понимающе развел руками: дескать, воля ваша, было бы сказано.

– Во всяком случае, теперь многое проясняется, – задумчиво постучал опустевшей кружкой по столу сотник. – Есть тут одна подземная пещерка, три подводы драгоценностей поместить можно. И ход к ней – мудреный. Но главное, чтобы как можно меньше людей знало, о том, что на стойбище Перуна казна казачья хранится. Что она находится именно здесь, что сами следы ее ведут в нашу местность.

– Всех особо интересующихся будем истреблять, – кротко заверил хранителя святынь будущий повелитель.

– Более надежного способа хранения тайн человечество не придумало.

Полковник внимательно присмотрелся к выражению лица Велеса: не искажено ли оно гримасой насмешки.

– Кажется, ты пока еще тоже сказал не все, что хотелось бы. Говори, коль уж выпали минуты откровений.

– Задумка у меня возникла: построить на этом месте монастырь.

– Казачий монастырь, – тут же уточнил Хмельницкий, ничуть не удивившись появлению этой «задумки».

– Православный и, конечно же, казачий. Поскольку иного на Сечи не воспримут. Но в нем будут храниться те языческие святыни и реликвии, которые ждут своего часа в тайнике нашего скита.

– Здесь хранятся реликвии язычников? Не ожидал.

– И даже старинные летописи, тексты языческих треб, которыми пользовались волхвы и до введения на Руси христианства, и после ее крещения. Только, извините, полковник, сейчас я не стану вскрывать эти тайники и демонстрировать вам какие бы то ни было реликвии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.